

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях).

Действующие лица:

Александр Михайлович Кубанин, помещик, 68 лет.

Полина Марковна Кубанина, жена его, 46 лет.

Михаил, их сын, 25 лет.

Варенька, жена Дьякова, 26 лет.

Душенька, девушка 20 лет.

Ксандра, девушка 11 лет – дочери Кубаниных.

Дьяков, помещик, отставной улан, 28 лет.

Митенька Покатилов, разорившийся помещик, отставной улан, приживальщик у Дьякова, 37 лет.

Климьч, староста Кубанина.

Савишна, старая няня.

Феня, горничная девка.

Лаврентьич, камердинер Дьякова.

Семка, казачок.

Дворовые Дьякова.

действие в Премухине, усадьбе Кубаниных, в Тверской губернии[1], и в Луганове, усадьбе Дьякова, в той же губернии. В 1838 г.[2]

действие первое

Библиотека в Премухинском доме. Портреты Екатерины II и предков Кубаниных. Одна дверь в столовую, другая – в диванную. Большая стеклянная открытая дверь на балкон. Виден сад с едва распустившейся зеленью. Ранняя весна. Утро.

I

Михаил, Дьяков и Митенька. Михаил и Дьяков играют в шахматы. Митенька бренчит на гитаре и поет.

Митенька.

Не расцвел и отцвел
В утре пасмурных дней;
Что любил, в том нашел.
Михаил. Шах королеве!

Митенька. Семка, водки! Эх-ма! Игнали бы лучше в клюкву!

Михаил. Как это в клюкву?

Митенька. А так: один держит в горсти клюкву, а другой угадывает, цела или раздавлена.

Семка приносит рюмку. Митенька пьет.

Митенька. А ну-ка, малец, нечего тебе бегать с рюмками, графинчик давай.

Семка. Не велели барыня.

Митенька. Ничего, небось, спрячу под стол. А нет ли перцовочки?

Семка. Нетути.

Митенька. Ну, так перцу.

Семка уходит.

Митенька. Это меня один ямщик выучил пить водку с перцем.

Михаил. Будет вам, Покатилов. Опять с утра напьетесь. (Дьякову). Куда же вы турой? Разве не видите, конем возьму?

Дьяков. Все равно, проиграл.

Михаил. Ничего не проиграли. Думать надо, а вам думать лень.

Семка с графином водки и перечницей, ставит их на стол и уходит. Митенька наливает рюмку и, насыпав перцу, пьет.

Митенька. Эх-ма! Славно огорчило!

Дьяков. Я больше играть не буду.

Михаил. Нет, будете! Начали, так извольте кончить.

Дьяков. Не буду.

Михаил. Будете!

Дьяков мешает на доске фигуры и встает.

Михаил. Послушайте, сударь, так порядочные люди не поступают. Это. наконец, глупо!

Дьяков. Ну, что ж, не всем же быть умными.

Наливает рюмку. Михаил удерживает его за руку.

Дьяков. Позвольте-с.

Михаил. Нет, не позволю.

Дьяков. Да почему же-с?

Михаил. Потому что вредно.

Дьяков. А вам какое дело?

Михаил. Ну, ладно, пейте, – я Вареньке скажу.

Дьяков (бросая рюмку на пол). Э, черт! и чего вы ко мне лезете? Оставьте, оставьте меня в покое! Убирайтесь к черту!

Убегает через балкон в сад.

II

Михаил и Митенька.

Митенька. А вы бы поосторожнее, батюшка. Вы его того... побаивайтесь.

Михаил. Этого зайца бояться?

Митенька. Бывает, сударь, что и зайцы бесятся.

Михаил. Гм... «бешеный заяц»... (Глядя в сад). А что это он все по книжке зубрит?

Митенька. Немецкие вокабулы. «Дер химмель ист бляу. Дер баум ист грюн». По-немецки учится.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Михаил. Зачем?

Митенька. Для жены. Гегеля с нею будет читать.

Михаил. Ах, дурак! (Берет книжку и ложится на канапе). Семка, трубку!

Митенька. Что же вы читать изволите, Михаил Александрович? Гегеля?[3]

Михаил. Нет, Шеллинга.[4]

Митенька. Что же именно?

Михаил. По-немецки. Не поймете.

Митенька. Ну, все равно, хоть титул скажите.

Михаил. «System des transcendentalen Idealismus».

Митенька. А по-русски как?

Михаил. «Система трансцендентального идеализма».

Семка – с трубкою. Подает Михаилу и уходит.

Митенька. «Тран-тен-ден»... Тьфу! Язык обломаешь! Н-да-с, темна вода во облацех![5] Эх-ма, Михаил Александрович, испортили вас немцы, сглазили! «Дер химмель ист бляу. Дер баум ист грюн!» Зелено дерево? Зелено, Мишенька, а?

Михаил. Отстаньте.

Митенька. Скажите и отстану. Зелено?

Михаил. Ну, зелено.

Митенька. А «дер химмель ист бляу»? Небо синё?

Михаил. Синё.

Митенька. А носик у меня?..

Михаил. А носик у вас, Митенька, красненький.

Митенька. Скажите, пожалуйста, все цвета различает! А я думал, только черное по белому.

Михаил. Это вы про что? (Подумав). А! На счет спекулятивности? А ведь вы, Покатилов, не глупы! У вас тоже натура спекулятивная. Только объективного наполнения недостает.

Митенька. Мое наполнение, сударь, водочкой! За ваше здоровье! (Играет на гитаре и поет).

О, дайте мне кинжал и яд.

Мои друзья, мои злодеи!

Я понял, понял жизни ад.

Мне сердце высосали змеи!

Михаил. «Черное по белому». Право, не глупо! И охота вам. Митенька, шута валять, да еще у этого дурака Дьякова?

Митенька. А чем же прикажете быть? В России только и есть, что шуты да холопы. В холопы не желаю – ну, вот в шуты и попал... Да будто и вы, сударь, шутить не изволите? «Все разумное»[6]... Как, бишь? Это по вашему, по Гегелю?

Михаил. «Все разумное действительно, все действительное разумно».

Митенька. Вот-вот, оно самое. Па-а-звольте, однако, спросить, почему же на свете все благородное страждет, а одни скоты блаженствуют? Эх-ма! Собрать бы всех честных людей, да такую шутку удрать, чтоб небо с овчинку

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
показалось мерзавцам!

Михаил. В вас, Митенька, хаотическое брожение элементов, хорошая субстанция, но скверное определение.

Митенька. А вам-то самим будто не хочется?

Михаил. Чего?

Митенька. Да вот этого самого – взять все за хвост и стряхнуть к черту! [7]

Из сада через балкон вбегают в комнату Ксандра и Душенька, запыхавшаяся, покрасневшая, растрепанная, хохочущая.

III

Михаил, Митенька, Ксандра и Душенька.

Ксандра. Поймала! Поймала! Пятнашка!

Душенька. Миша, беги!

Михаил вскакивает и роняет книгу на пол.

Ксандра. Ну, раз-два-три! Лови!

Михаил, Ксандра и Душенька убегают в сад.

Митенька. Вот тебе и Шеллинг. Ишь, мальчик маленький!

Митенька прячет графин с водкой под стол и уходит в сад. Дьяков идет из сада, зубря на ходу по книжке. Входит в комнату. Шагает взад и вперед; потом ложится на канапе, уткнувшись лицом в подушку. Из столовой идет Паренька, не замечая Дьякова.

IV

Дьяков и Варенька.

Дьяков (вскакивая). Варенька!

Варенька. А, Коля! Ты что это, спал?

Дьяков. Нет, так, прилег.

Варенька. А маменька где?

Дьяков. Не знаю. Кажется, в диванной. Ты к ней?

Варенька. Да, Сашку надо купать.

Дьяков. Можно к тебе, Варя? На минутку, только на минутку?

Варенька. Нет, лучше потом... А ты сегодня опять сторожил?

Дьяков. Я? Нет, и не думал. Кто тебе сказал?

Варенька, феня. Прошу тебя, Николай, не сторожи у моих дверей по ночам. Нехорошо. Люди смеются. Бог знает, что говорят.

Дьяков. Прости, Варя. Мне все казалось, что ты меня зовешь... А разве ты ко мне не приходила ночью?

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
Варенька. Что ты, Коля? Приснилось тебе?

Дьяков. Нет, я не спал.

Варенька. И видел меня?

Дьяков. Ну, да. Вот как сейчас. Пришла, наклонилась, поцеловала и говоришь: «Пойдем, Коля, ко мне». Я встал и пошел. А потом вдруг тебя нет. И дверь заперта. Я долго стоял – все ждал, что ты отопрешь.

Варенька. Ты нездоров, Коля. Лечиться надо. Ведь ты и сейчас, как в бреду. Смотришь на меня и как будто не видишь, не узнаешь.

Дьяков. Не узнаю, да. Ночью одна, а днем другая... Ты вот говоришь: лечиться. А для меня одно лекарство. Если бы ты только позволила... Ну, что тебе стоит, Варя, милая. Не запирай к себе на ночь дверей. Не могу я спать, когда двери заперты. Я же не войду без спросу. Мне бы только слышать, как ты спишь, как дышишь. Усну и буду здоров... Знаешь, Варя, я раз долго смотрел, – у тебя лицо во сне такое доброе...

Варенька. А наяву злое?

Дьяков. Нет, не злое, а не то. Мне все кажется, что ты во сне любишь меня...

Варенька. Колька, бедный ты мой! Если бы я только могла помочь тебе, господи! (Хочет обнять его. Он становится на колени и целует ноги ее).

Дьяков. Милые, милые ноги!

Варенька. Не надо, Коля, не надо!

Дьяков. Платье, дай только платье!

Варенька. Оставь! оставь!

Дьяков. Следы твоих ног! Следы твоих ног!

Варенька (закрывает руками лицо). Как тебе не стыдно!

Из столовой шаги и голоса. Дьяков убегает в сад. Варенька идет к шкафу и делает вид, что ищет книгу. Входят: Александр Михайлович, Полина Марковна и Климыч.

V

Варенька, Александр Михайлович, Полина Марковна и Климыч. Полина Марковна подходит к Вареньке и говорит с нею в стороне тихо.

Александр Михайлович. Не могу, Климыч, и рад бы да не могу. Этак и сладу не будет с людшками, все разбегутся.

Климыч (становится на колени). Батюшка, барин, заставь век Бога молить, смилуйся!

Александр Михайлович. Встань, встань! Знаешь, не люблю. Я тебе не икона. И что ты за Федьку хлопочешь? Кажись, не сват, не брат.

Климыч. Да малый-то больно хороший. Прямо сказать, душа человек! Сынка моего из воды вытащил. Кабы не он, не Федор, быть бы мальцу ракам на ужин.

Александр Михайлович. А зачем бегал?.. И чего он розги боится? Не стеклянный, чай. Побьют – не разобьется.

Климыч. Ништо ему розга! Спина, слава Богу, не купленная. Да невеста у него, богатеева дочь, девка баловница, с придурью. «Не пойду, мол, за сеченого! Срам!» Вот он и кручинится.

Александр Михайлович. Ну, ладно. Сколько розог положено.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Климьч. Пятьдесят.

Александр Михайлович. Пусть будет тридцать... ну, двадцать пять. Только никому не говори, слышишь?

Климьч (кланяясь). Спасибо, кормилец, пошли тебе Господь здоровья.

Климьч уходит через балкон в сад.

VI

Варенька, Александр Михайлович и Полина Марковна.

Варенька. Маменька, голубчик, посмотрите Сашку, не знаю, купать ли? Десночка слева как будто припухла. Уж не зубки ли?

Полина Марковна (положив ей руку на лоб). Сама-то здорова ли?

Варенька. Ничего. Пойдемте же, маменька!

Александр Михайлович. Постой, Варя. Все-то ты с Сашкой, да с Сашкой, а я тебя и не вижу. Вот уж ослепну и совсем не увижу.

Варенька (присев на ручку кресла, в которых сидит Александр Михайлович, наклоняется к нему, обнимает голову его и целует в глаза). Ох, глазки мои, глазки ясненькие! Как звездочки! Не хуже Сашкиных. Ну, для чего бы им слепнуть? Не бойтесь, родненький, – все хорошо будет!

Александр Михайлович. Спасибо, детка. Только бы тебе хорошо.

Варенька. Мне всегда хорошо с Вами и с маменькой.

Александр Михайлович. А с Николаем?

Полина Марковна. Полно, Alexandre! Ну, зачем ты опять?

Варенька молча встает, идет к Полине Марковне, садится рядом с нею на канapé и кладет ей голову на плечо. Полина Марковна так же молча, тихим, однообразным движением руки гладит ее по волосам и по щеке.

Александр Михайлович. Ну, ладно, не буду. Только скажи, как решили.

Варенька. Ничего не решили.

Александр Михайлович. К себе-то в Луганово едет он, что ли?

Варенька. Едет.

Александр Михайлович. А ты здесь останешься, в Премухине?

Варенька. Здесь.

Александр Михайлович. И за границу не поедешь?

Варенька. Не поеду.

Александр Михайлович. Как же так, мой друг? Ведь доктора посылают, – надо ехать.

Варенька. Вы меня не пустите.

Александр Михайлович. Отчего не пуцу? Поезжай с Богом.

Варенька. Одну не пустите.

Александр Михайлович. Поезжай с мужем.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Варенька. Я с мужем не поеду.

Александр Михайлович. Ну, вот, ни в кузов, ни из кузова!

Молчание.

Александр Михайлович. Что ж, так и будем молчать? Pauline, скажи хоть ты что-нибудь.

Полина Марковна. Что говорить? Словами не поможешь.

Александр Михайлович. Да что ж это такое? Господи! Деспот я, что ли, злодей, мучитель? Не отец? Не люблю дитя свое?

Варенька (подойдя к нему и опустившись на колени). Папенька, ну, скажите, голубчик, что я могу?

Александр Михайлович. Нет, Варя, ты скажи, что случилось? Обидел он тебя, что ли?

Варенька. Обидел? Разве вы его не знаете? Кого он может обидеть? А меня так любит... Я никогда и не думала, что можно так любить..

Александр Михайлович. Так за что же ты его? (Варя молча опускается на колени отца). Послушай, Варя, ты не маленькая, ты понимаешь, что после трех лет замужества нельзя быть влюбленной, как девочка. Ты жена и мать, а не любовница. Ведь не насильно шла за него, ты знала...

Варенька. Ничего я не знала! ничего я не знала!

Александр Михайлович. Не знала?.. Нет, мой друг, или ты не все говоришь, или я... я не понимаю, ничего не понимаю. А ты, Pauline, понимаешь?

Полина Марковна. Понимаю.

Александр Михайлович. Растолкуй же, сделай милость.

Полина Марковна. Растолковать нельзя. Вы все не понимаете.

Александр Михайлович. Кто все?

Полина Марковна. Мужчины.

Александр Михайлович. А, вот что! Женская тайна, женский заговор!

Полина Марковна. Не говори пустого.

Александр Михайлович. А это не пустое, не пустое – из-за какого-то вздора, из-за философических бредней – губить себя и других.

Варенька идет к матери и садится рядом, как давеча. Молчание.

Александр Михайлович. Ну, ладно. Уйдешь от мужа, а Сашка будет с кем?

Варенька. Как с кем? Со мною. Разве я могу без Сашки?

Александр Михайлович. А если Николай не отдаст?

Варенька. Что вы, папенька? Разве можно отнять сына у матери?

Александр Михайлович. А у отца можно? Не он от тебя, а ты от него уходишь. За что же ты его лишаешь сына? Будь справедливой, Варя.

Варенька. Какая справедливость? Какая справедливость? Что вы говорите, папенька? (Плачет).

Полина Марковна. Довольно, Alexandre. Перестань, слышишь, сейчас перестань!

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
(Целую Вареньку). Полно, детка, не плачь, не бойся, пока я жива, никто у
тебя Сашку не отнимет... Ну, ступай, а я сейчас. (Обняв ее, провожает до
двери). Христос с тобой!

Варенька уходит.

VII

Александр Михайлович и Полина Марковна.

Полина Марковна. Alexandre, что ты делаешь?

Александр Михайлович. Что надо, то и делаю. Сама говоришь: словами не
поможешь. Ну, вот я и делаю. Спасая дочь от гибели. Отнять Сашку – другого
средства нет. Если не к мужу, так к сыну вернется.

Полина Марковна. Ты этого не сделаешь.

Александр Михайлович. Сделаю.

Полина Марковна. Не сделаешь.

Александр Михайлович. А вот увидишь!

Полина Марковна. Вспомни Любиньку.

Александр Михайлович. Ну, что Любинька? Это вы все...

Полина Марковна. Да, мы все. И ты тоже.

Александр Михайлович. Нет, не я, а ты! Ты с ними со всеми, баловница,
потаковщица! Муравьевская, яковинская кровь!.. [8]

Полина Марковна. Бог с тобой, Alexandre, ты сам не знаешь, что говоришь!

Входит Михаил.

VIII

Александр Михайлович, Полина Марковна и Михаил.

Михаил (подавая письмо Полине Марковне). Письмо, маменька. (Хочет уйти).

Александр Михайлович. Постой, Миша, мне с тобой поговорить надо. (Полине
Марковне). От кого?

Полина Марковна (читая письмо). От Муравьевых.

Александр Михайлович. Ну, что еще? Ох, уж эти мне письма!

Полина Марковна. Нет, ничего. Я пойду...

Александр Михайлович. Да что такое? Говори...

Полина Марковна. У Alexandrine мальчик умер. (Закрывает глаза платком).

IX

Александр Михайлович и Михаил.

Михаил. Папенька, а где они? Все еще на каторге, на Нерчинских рудниках?

Александр Михайлович. Нет, в Петровский завод перевезли.

Михаил. А Сергей Муравьев, вот которого повесили, тоже маменькин
родственник?

Александр Михайлович. Ну. какое родство. – седьмая вода на киселе.

Михаил. А ведь и вы, папенька, были в Союзе Благоденствия?[9]

Александр Михайлович. Кто тебе сказал?

Михаил. Все равно кто, а ведь были, были?

Александр Михайлович. Полно вздор молоть! никогда я не был с убийцами... И что за допрос? (Помолчав). А ты, Миша, в Москву собираешься?

Михаил. Да, в Москву.

Александр Михайлович. Какие же у тебя планы?

Михаил. Я уже вам говорил: в университет поступлю, буду готовиться на кафедре, а потом за границу, в Берлин.

Александр Михайлович. В Берлин? На какие же средства?

Михаил. Если вы мне не поможете, буду уроки давать, жить на чердаке, есть хлеб да воду, а в Берлин поеду. Я должен. Иначе я погиб...

Александр Михайлович. А в Берлине спасешься?

Михаил. Не смейтесь, папенька. Да, все мое спасение в знании. Для меня жить и не знать в тысячу раз хуже, чем умереть!

Александр Михайлович. Ну, мой друг, я вижу, ты сам все решил и в советах моих не нуждаешься.

Михаил. Я всегда готов слушать...

Александр Михайлович. Слушать и не исполнять?

Михаил. Я не понимаю...

Александр Михайлович. Не понимаешь? А ведь, кажется, просто. Богатые могут жить в праздности, а бедные делом должны заниматься.

Михаил. Я делаю, что могу – учусь...

Александр Михайлович. Да, весь день, лежа на канаве, трубки покуриваешь, книжки почитываешь да споришь о «божественной субстанции».[10] Недопеченный философ, maître de mathématique m-eur koubanine![11] А средств никаких. В долгах по уши. Деньги для тебя, как щепки. На чужой счет живешь, попрошайкою. Срам!

Михаил. Папенька, скажите лучше прямо, что вы от меня хотите?

Александр Михайлович. Хочу, мой друг, чтобы ты понял, что Икаровы полеты на восковых крыльях ни к чему не ведут, – только шею сломаешь. А надобно хлеб зарабатывать – служить или хозяйничать.

Михаил. Не могу я жить против совести...

Александр Михайлович. Ну, что ж, живи, как знаешь. Но, по крайней мере, других не смущай.

Михаил. Кого?

Александр Михайлович. Сестер и братьев.

Михаил. Да чем же я их смущаю?

Александр Михайлович. А тем, что вскружил им головы, наполнил их уши развратными правилами сен-симонизма,[12] отдалил их от нас, родителей. Мы им как чужие стали, как враги. Особенно, Варенька...

Михаил. А, Варенька! Я так и знал.

Александр Михайлович. Знал, а все-таки делал? Она жена и мать, а ты эти святые узы...

Михаил. Не святые узы, а цепи проклятые!

Александр Михайлович. Это ты о чем же? О браке?

Михаил. Брак не по любви – одно лицемерство, насильство гнусное!

Александр Михайлович. Да кто тебя поставил судить? Как ты смеешь?

Михаил. Смею, потому что люблю.

Александр Михайлович. Никого ты не любишь. Эгоист из эгоистов! Весь жар горячки в одной голове, а сердце, как лед. Ты ведь и Любиньку...

Михаил. Не говорите о Любиньке!

Александр Михайлович. Правда глаза колет? Да, Миша, ты и Любиньку тоже любил, а что с нею сделал.

Входит Полина Марковна.

?

Александр Михайлович, Полина Марковна и Михаил.

Полина Марковна. Ну, вот опять! Да что же это за наказание. Господи!

Александр Михайлович. Нет, что он говорит, Pauline, что он говорит, ты только послушай!

Полина Марковна. Перестань, Alexandre, как тебе не стыдно! Миша, ты мне обещал...

Михаил. Не бойтесь, маменька, я больше не скажу ни слова.

Александр Михайлович. Не скажешь, так я скажу. Я здесь хозяин, я, а не ты! И вот тебе мое последнее слово: или уважай отца, будь добрым сыном, или... прекрати свои посещения Премухина!

Михаил. Гоните? Ну, что ж, извольте, я уйду. Только помните. Вареньку я не отдам! И правды моей...

Александр Михайлович. Не твоя правда, а Божья. – Божья заповедь: чти отца своего...[13]

Михаил. Есть и другая: кто не покинет отца своего...[14]

Александр Михайлович. Что, что ты сказал? Какие слова? Кем ты себя делаешь?

Михаил. Кем Бог меня сделал – Бог, а не люди! Да. папенька, знайте, нет для меня никаких человеческих прав, никаких человеческих законов, а есть только любовь и свобода. Абсолютная любовь – Свобода! И еще знайте: я вас люблю, как отца, но не буду унижаться перед вами, валяться у вас в ногах, чтобы выпросить себе позволения быть человеком: я уже человек, потому что хочу им быть, призван им быть! У меня нет другой цели, и все, что мне мешает идти к ней, я разбиваю, сокрушаю...

Александр Михайлович. Да это бунт?..

Михаил. Да, бунт, святой бунт за правду Божью!

Александр Михайлович. Берегись, Миша, ты скверно кончишь!

Михаил. Как Сергей Муравьев?

Александр Михайлович. Негодный! Негодный! Хоть мать пощади!

Полина Марковна. Молчите оба! Миша, не смей! Alexandre, пойдём!

Полина Марковна уводит Александра Михайловича. Михаил в волнении шагает по комнате. Входят Варенька, Душенька и Ксандра.

XI

Душенька, Варенька, Ксандра и Михаил.

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Миша, голубчик, что случилось?

Михаил. Ничего.

Варенька. Как ничего? Опять поссорились?

Михаил. Девочки мои милые, будьте ко всему готовы...

Душенька. Ох. Миша, не пугай! Скажи лучше сразу.

Михаил. Друзья мои. Может быть, нам скоро надо будет расстаться.

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Как расстаться, зачем?

Михаил. Этого хочет папенька. Он говорит, что я недобрый сын, смущаю вас и братьев, особенно Вареньку.

Варенька. Из-за меня! Из-за меня! Я так и знала...

Михаил. Нет, Варя, из-за всего. Этим должно было кончиться.

Ксандра. И ты согласился?

Душенька. А как же мы, мы-то без тебя? Миша, голубчик, миленький, не уходи, не покидай своих девочек!

Михаил. Нет, друзья мои, где бы я ни был, я вас не покину, буду издали...

Душенька. Не хочу издали! Вблизи хочу, – вот так! (Целует его).

Михаил. Не плачь. Душенька, будь умницей, не надо плакать, друзья мои. – надо радоваться. Наступает великий час. Начинается новая жизнь. Будем же сильны, будем достойны себя и нашей любви. Никаких примирений, никаких уступок – ни шагу назад! «Враги человеку домашние его».[15] – я только теперь это понял как следует. Долой все обманы, все призраки! Долой грошовую мораль и жалкий здравый смысл, и долг, и рабский долг любви, преступный, бесчестный, унижающий! Долой все эти цепи проклятые! Не смиряться, не покоряться, чтобы заслужить рай на небе, а свести этот рай, это небо, на землю, поднять землю до неба – вот наша цель и цель всего человечества!

Душенька. Как хорошо. Господи! Как хорошо!

Михаил. Будем же вместе, друзья мои, и пусть весь мир на нас восстанет, – мы устоим!.. Подите сюда. девочки, ближе, ближе, ближе. Все вместе, – вот так... Никто не слышит?

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Никто.

Михаил. Мы должны вступить в заговор...

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). В заговор?

Михаил. Да. в «тайное Общество», новое тайное общество, новый «Союз Благоденствия», для освобождения всех угнетенных и страждущих. В святое братство, в святую общину. Мы будем одно тело, одно существо блаженное. Но пусть это будет между нами тайною. Пусть никто об этом не знает. Никому не говорите. – слышите?

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Не скажем. Миша, не скажем!

Михаил. Ну, а теперь давайте руки, руки вместе, – вот так. Поклянемся быть верными святому Союзу нашему во веки веков!

Душенька, Варенька и Ксандра (вместе). Клянемся! Клянемся!

Михаил. Возлюбим же друг друга, дорогие друзья мои! Осуществим небесную гармонию, которую мы уже чувствуем в наших сердцах...

На балконе появляется Митенька. Он сильно выпивши. Останавливается и слушает. Михаил, Душенька, Варенька и Ксандра так увлечены разговором, что не замечают Митеньки.

Михаил (продолжая). Помните то, что я вам говорил. Субстанциальная бесконечность – в нас во всех. Абсолютное тождество Субъекта и Объекта, абсолютное единство Бытия и Знания – Божественная субстанция...[16]

Митенька (входя в комнату). «Божественная Субстанция», – а там на конюшне, – чуки-чик-чик, чуки-чик-чик.

Михаил, Варенька, Душенька, и Ксандра (вместе). Что это? Что это?

Митенька. А это федьку беглого сечь будут... Чувствительнейше прошу извинить, мои милые барышни... виноват, мадемуазель... Кажется, я немного того... как это по Гегелю, – с «объективным наполнением» за галстук... А Федька-то с гонором. И тоже вот тоже в своем роде отчаянный, бунтует, не желает «небесной гармонии». Ну, так вот, мои милые барышни, виноват, мадемуазель... Попросите папеньку, чтобы федьку помиловал... А то как бы беды не наделал... А за сим чувствительнейше прошу... и честь имею... (Кланяется, идет к двери, на пороге оборачивается.) Да-с, господа. – на Федькиной драной спине – вся наша «небесная гармония».

Уходит.

XII

Михаил, Варенька, Душенька, и Ксандра. Все стоят молча, в оцепенении. Потом Душенька начинает тихонько смеяться; хочет удержать смех и не может, падает на стул и, закрывая лицо руками, смеется все громче, неудержимее. Михаил и Ксандра, глядя на нее, тоже смеются. Варенька остается серьезной.

Душенька. Ой-ой-ой! Не могу! Не могу! Не могу!

Варенька. Полно, Дунька, перестань!

Ксандра. Перестань же, глупая! А то опять нехорошо будет.

Душенька плачет и смеется, как в припадке.

Михаил. Что это? Варя, Ксандра... ей дурно... Воды, воды!

Ксандра выбегает в столовую и приносит стакан с водой.

Ксандра. На, пей.

Михаил (гладит Душеньку по голове). Ну, ничего, ничего, пройдет.

Душенька пьет воды, все еще всхлипывая. Потом мало-помалу затихает.

Душенька. Ох, что это, Господи! Какая я дура несчастная! Миша, прости,

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
голубчик, ради Бога... Так хорошо было и вдруг... Не могу я; ох, не могу, когда так сразу... Сначала одно, а потом совсем другое. Так вдруг смешно, щекотно-щекотно – точно вот самое сердце щекочут. А я до смерти щекотки боюсь!

Действие второе

Березовая роща в Премухине. Круглая площадка; к ней сходятся тропинки – из глубины рощи, от дома снизу, от речки. На площадке – полукруглая деревянная скамья и круглый, на одной ножке, врытый в землю, садовый стол. Между прямыми тонкими стволами молодых березок, едва опушенных зеленью, виднеется речка и на том берегу церковь с крестами на кладбище. Послеполуденный час. Темно-голубое небо с белыми круглыми большими облаками, тихо плывущими.

I

Ксандра и Душенька.

Ксандра (поет).

Розы расцветают –
Сердце отдохни!
Скоро засияют
Благодатны дни...
Ты что это читаешь? Новалиса?[17]

Душенька. Нет, Unsterblichkeit.[18] Ах, Жаль-Поль божественный![19]

Ксандра. Ну, брось... Так, значит, с утра в Козицыно, к тетке закатимся. Хорошо там, тихо – ни души кавалеров. Наезжусь вволю верхом, да на казачьем седле, по-мужски, в штанах!

Душенька. А если увидят?

Ксандра. Ну, так что ж?

Душенька. Срам, – девчонка в штанах!

Ксандра. Во-первых, никто не увидит, а во-вторых, никакого сраму нет, а даже напротив: сама Жорж-Занд[20] ходит в штанах. И царица Семирамида,[21] и амазонки...[22]

Душенька. Да ведь это когда было.

Ксандра. И теперь будет... Дунька, душка, ангел! Когда поедем, спрячь штаны в свои вещи, а то за мной Апельсина Лимоновна подглядывает...

Душенька. Апраксия Ионовна?

Ксандра. Она самая. Много у нас было приживалок, а эдакой шельмы не было. Суший провор – везде суется, везде, мечется... Намедни, как примеряла я штаны; – подглядела в щелку; старая ведьма. Как бы не нажаловалась маменьке.

Душенька. Ох, беда с тобой; Сашка, бесстыдница! И откуда ты штаны раздобыла?

Ксандра. Подарил братец Иленька. Гимназические старые. Коротенькие, да я снизу выпустила. Изрядно вышло – с лампасами, со штрипками. Настоящие гусарские!

Душенька. Какой ты урод! Тебе бы мальчиком родиться!

Ксандра. Да, вот не спросили.

Душенька. А по-моему, и женщиной недурно...

Ксандра. Для таких, как ты, а для меня зарез. Какая несправедливость, Господи! Какая несправедливость!

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
Душенька. Почему несправедливость?

Ксандра. Потому что рабство, унижение, презрение.

Душенька. Какое презрение? Мужчины нам поклоняются...

Ксандра. Ну, еще бы! Презирают, – потому и поклоняются. Одним комплименты чего стоят. Намедни, на балу у предводителя; генерал Толстопятов – старый, поганый, одну ногу волочит, а все еще ферламур – подсел ко мне, на декольте смотрит, вздыхает: «Ах, глазки! ах, ротик! ах, носик!» У-у-у! Так бы ему в рожу и съездила! А терпи, улыбайся, нельзя же ему сказать: «А у вашего превосходительства глазки совиные, ротик щучий, а носик точно дуля перезрелая».

Душенька. Ну, не все же такие гадкие.

Ксандра. Нет, все! А не гадкие, те... те еще хуже. Оттого, что у него усики, да рожица смазливая, – закабались ему на всю жизнь, да еще за милость считай. Очень надо, скажите пожалуйста!

Душенька. «M-lle Hippolyte, амазонка, мужененавистница!» – правду о тебе говорит Валентин...

Ксандра. «Да, не люблю ихней козьей породы, прости Господи» – правду говорит Савишна.

Душенька. погоди, матушка, влюбишься!

Ксандра. никогда! Удавлюсь, а не будет за мной этой пакости!

Душенька. Что ты, Сашка, разве можно так говорить. Ведь это от Бога, это сам Бог устроил!

Ксандра. Что?

Душенька. А вот, что мужчины и женщины...

Ксандра. А зачем? Зачем это нужно?

Душенька. Как зачем? Иначе дети не рождались бы, род человеческий прекратился бы.

Ксандра. Ничего не прекратился бы.

Душенька. Ну, да, знаю: «чтобы люди ели траву!»...

Ксандра. Да, да, чтобы ели траву. Любовь это одно, а дети другое. Хорошо, что любовь, и что дети, тоже хорошо, а что вместе, – нехорошо. Это нельзя вместе – стыдно, гадко, унижительно... Нет, я бы все иначе устроила. Пусть такая травка в поле растет, на вкус довольно приятная, кисленькая, вроде щавелька. И кто хочет иметь ребенка, пусть траву эту ест и родит. И не только женщины, но и мужчины. Да, пусть и они рожают. Чтобы справедливо, поровну всем! А то теперь одни только женщины и от этого рабство...

Душенька. Какой вздор! Какой вздор! Скажи-ка Мише – он тебя засмеет. Нет, Сашка, ты просто дура.

Ксандра. Сама дура! Когда Миша говорит, ты ничего не понимаешь, только ушами хлопаешь. Субъекта от объекта отличить не умеешь, абсолюта от субстанции. У тебя нет никакой диалектики.

Душенька. Ну, полно, Сандрок, не злись. Что ты все злишься? Все колешься, как иголочка, или как вот ледяные сосульки бывают колючие... Злишься, а сама ведь добрая-предобрая. Я тебя знаю: ты ужасная кошечка! (Ласкается к ней). А я от Валентина письмо получила. Уж не знаю, отвечать ли?

Ксандра. Отчего же не ответить. Если хочется?

Душенька. Мишки боюсь. Он Валентина не любит, точно ревнует меня, право... Знаешь, что мне давеча сказал...

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
Ксандра. Ну. что?

Душенька. Нет, нельзя – забыла.

Ксандра. Секрет?

Душенька. Секрет.

Ксандра. Вот ты так всегда – начнешь и не кончишь, несносная!

Душенька. Ну, хорошо, слушай. Только на ушко... (Шепчет).

Ксандра. Врешь!

Душенька. Нет, право.

Ксандра. Так и сказал? «Если б ты не была мне сестрою...»

Душенька. Так и сказал.

Ксандра. Да ведь это он в шутку?

Душенька. Ну, разумеется. А все-таки, странные шутки.

Ксандра. А ты что же?

Душенька. Ничего. Сначала смешно стало, щекотно. А потом вдруг стыдно, и убежала, как дура... Я ведь знаю, Мишка в Натали влюблен...

Ксандра. В Натали? И не думает. Она по нем сохнет, а он только играет, кокетствует. Нет, Мишка никогда ни в кого не влюбится. Он такой же, как я, – любит свободу.

Душенька прислоняется к стволу березы, гладит ее рукой и целует.

Ксандра. Что ты березу целуешь?

Душенька. Так, приятно.

Ксандра. Потому что вензель вырезан. «V. P.» – Валентин Пожалин?

Душенька. Нет, просто приятно. Такая нежная, белая, гладкая, от солнца теплая, словно живая. Сестрица моя милая! Я их часто целую... (Срывает листок). Посмотри, какой смешной! Только из почки вылез, бедненький! А пахнет, пахнет-то как! Раем. Маленький, сморщенный, как личико новорожденного, ребеночек в люльке проснулся, и хочет играть, смеется... Нет, Сашка, хорошо иметь ребеночка!.. А вот этот побольше. Тому два месяца, а этот годовалый. А если вот так на солнце сквозь зеленый лист смотреть, то кажется, – рай, уже рай – все уже есть, и ничего больше не надо... Да ведь и вправду, у нас тут, в Премухине, рай. Как эти стишки папенькины, помнишь? «Тихая Осуга»...

Красуйся, тихая Осуга,
Краса Премухинских полей...
По склону ландыш и любимцы.
И соловей весною тут.

А летом красные девицы

В густом малиннике поют... [23]

Ну, вот, так и в раю. А если не так, мне и рая не надо... Слышишь, кукушка? Кукушечка-матушка, ну-ка, скукуй, сколько мне на свете жить?

Раз-два-три-четыре-пять... Да ну же, еще, голубушка! Нет, замолчала. Все-то пять годков!

Ксандра. А тебе бы сколько?

Душенька. Чем больше, тем лучше. Всегда. Вечно.

Ксандра. И чтоб все было, как есть? Все то же, все то же без конца?

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Душенька. Да, все то же. Лучше не надо.

Ксандра. Какой ужас!

Душенька. Чем же ужас? Разве нехорошо, как сейчас?

Ксандра. Нехорошо. Здесь, на земле, все нехорошо, ужасно, отвратительно...

Есть, нам обещают.
Где-то лучший край.
Вечно-молодая
Там весна живет;
Там, в долине рая
Жизнь для нас иная
Розой расцветет...

Входит Варенька.

II

Ксандра, Душенька и Варенька.

Душенька. Варька! Ты откуда?

Варенька. У Любиньки была на кладбище. Хорошо там. Хорошо сейчас лежать в земле. Кажется, так бы и легла. Спокойно, блаженно. Как в раю, А вы о чем?

Душенька. Мы тоже о рае. Что у нас тут, в Премухине, рай.

Варенька. Да, рай, а живем, как в аду. Все хорошие, добрые, умные. Любим друг друга и мучаем. Чем больше любим, тем больше мучаем. Уж лучше бы совсем не любить... Знаете, девочки, мне все что-то кажется, что и я скоро, как Любинька...

Душенька. Полно, Варька, перестань! Погоди, все хорошо будет, – только потерпи немножко. Вот уж с Николаем помирись, ты к нему вернешься.

Варенька. Вернусь, сама знаю, что этим кончится.

Ксандра. Лучше ей умереть, чем вернуться к нему!

Душенька. Прости, Варька. Я глупость сказала.

Варенька. Нет, говори.

Душенька. Я хотела сказать, что ты его опять полюбишь.

Варенька. Полюблю? Да я его уже люблю! Этого никто понять не хочет. И вы, и вы не понимаете. Ну, да, люблю, но не так, как надо ему. Пусть же другая так полюбит. Я найду ему другую, настоящую, лучше меня. Это мне самим Богом назначено. И я это сделаю. И сделаю так нежно, так тихо, что он и не услышит, как я уйду от него, а та, другая, придет. И он полюбит ее и будет счастлив. И тогда я уйду спокойно – мне больше ничего не надо.

Ксандра кладет Вареньке на голову венки из ландышей.

Варенька (улыбаясь). Жертву, венчаешь?

Ксандра. Нет, победу!

Голос Михаила (издали). Варенька! Варенька!

Варенька. Здесь, Миша!

Голос Михаила. Ступай сюда!

Варенька. Иду!

Уходит.

III

Душенька и Ксандра.

Душенька. Как странно! Разве это можно?

Ксандра. Что?

Душенька. Да вот, что она придумала – мужа выдать замуж.

Ксандра (смеясь и хлопая в ладоши). Чудесно; чудесно придумала. Вот именно, выдать мужа замуж! Они все только нас выдают, а теперь и мы будем их. Варька начнет, она освободится первая, а за ней и другие...

Душенька (глядя по дорожке в лес). Постой! Сюда идут. Им поговорить надо. Пойдем.

Ксандра и Душенька уходят вниз по реке. Варенька и Михаил идут по дорожке из лесу.

IV

Варенька и Михаил.

Михаил. Не могу я так уехать, Варя! Я должен знать, что с тобою будет.

Варенька. Ах, Миша, я сама не знаю! Поеду к мужу в Луганово, – этим кончится. Там, по крайней мере, он один. А здесь еще папенька.

Михаил. Что же папенька?

Варенька. Сашку хочет отнять. Думает, что я тогда к мужу вернусь.

Михаил. Пугает. Никогда он этого не сделает.

Варенька. Не сделает. А все-таки могут, ведь могут отнять, имеют по закону право. Вот я и боюсь, ночей не сплю, караулю Сашку, – все кажется, отнимут, украдут, увезут тайком... Ох, Миша. я этого не вынесу! Нет, уж лучше сразу в Луганово...

Михаил. Значит, решила? Вернешься к мужу и будешь с ним жить?

Варенька. Что же делать?

Молчание.

Михаил. Делай, что хочешь, Варя. Только помни, дороги наши расходятся. Я больше не могу помочь тебе ничем. Ты все сама решила, и говорить нам больше не о чем. (Встает).

Варенька. Что ты, Миша? Миша, куда ты? Постой... Господи, что ж это? Как ты можешь?..

Закрывает лицо руками. Михаил молча смотрит на нее, потом вдруг наклоняется и целует ее в голову.

Михаил. Ну, полно, Варя! Прости. Полно же, не буду. Я только так...

Варенька. Только так? Ох, Миша, как страшно! И как ты мог с такою легкостью?..

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Михаил. Нет, Варя, не с легкостью. Не могу я видеть, как ты губишь себя.

Варенька. Что же делать? Что же делать?

Михаил. Освободиться, разорвать цепь.

Варенька. Как разорвать? Ведь Сашка – цепь! Его разорвать, что ли?

Михаил. Не разорвать, а оторвать от отца. Помни, Варя, Саша – главная цель твоей жизни. Ты должна быть для него готова на все. Человека сделать из него – человека, который; может быть, будет одним из величайших проявлений Абсолютного, – вот твоя цель. А Дьякова – ты его не изменишь, – он всегда останется тем, что есть и из Саши сделает такое же, как он сам, животное... (Варвара плачет). Что ты? Обиделась? За него обиделась?

Варенька. Да, за него. Нельзя так. Ни о каком человеке так нельзя. И чем он виноват? Ах, Миша, если бы ты только знал, какой он хороший, чистый, любящий! Какое, золотое сердце! И что я с ним сделала!

Михаил. Варя, да ты все еще любишь его?

Варенька. Люблю? Ну, да, люблю, как брата, как сына, как дитя свое. Божье дитя... Животное? Но ведь и с животным нельзя делать то, что я с ним делаю. Помнишь, Миша, как мы детьми плакали, когда читали рассказ об этой собаке, которая позволяет себя убить своему господину и лижет ему руку, прежде чем умереть! Так вот и он: чтоб я с ним не делала, – хоть бы даже стала убивать его, – он и тут целовал бы мои руки, мои ноги, подол моего платья, защищал бы меня до последнего вздоха... Нет, не могу я вынести это раздирающей жалости, этой ужасной точки в сердце, когда обвиняешь себя в том, что разбил, разорвал чужое сердце. Ведь это убийство, хуже убийства. Легко сказать – освободиться. Но ведь я должна через него, через мертвое тело его... Или его, или себя... Нет, уж лучше себя!

Михаил. Послушай, Варя, скажи мне все, слышишь, все, как на исповеди... Мне нужна твоя исповедь, я требую этого. Ты и теперь живешь с ним, как с мужем?

Варенька. Нет, с тех пор, как Саша родился, не живу. Да и прежде... Я никогда его так не любила.

Михаил. Зачем же вышла замуж?

Варенька. Разве я знала? Разве об этом знают девушки? Ничего не должны знать, должны верить, как дурочки, что детей приносят аисты, или вот как Ксандра, – что люди траву едят и от этого дети рождаются... А тут еще Любиньку замучили. Помнишь, ты сам говорил: «деспотизм любви – самый страшный из всех деспотизмов, – только бы на волю вырваться». Ну, вот и вырвалась. А с кем, мне было все равно. Ведь Николай еще лучше других... Да, ничего, ничего я не знала – и вдруг... Нет, Миша; не могу я говорить об этом, – не спрашивай... Этого никогда больше не будет... Но ведь было же; было... Знаешь, я теперь как обесчещенная девушка... Укрыться бы, спрятаться от всех и смыть страданиями свой стыд... Мне иногда так стыдно, так страшно; самой себе страшно. Когда я начинаю жалеть эту невыносимую жалостью и вся вдруг слабею, изнемогаю, и опять, опять... Спаси меня, Миша, от самой себя спаси!

Михаил. Не бойся. Варя! Я теперь знаю, что надо.

Варенька. Что? Скажи.

Михаил. Сделаешь?

Варенька. Сделаю.

Михаил. Объяви Дьякову решительно, что не поедешь с ним в Луганово и жить с ним не будешь. А если Сашку отнимут, – пусть отнимают судом. Пусть сами себя обесславят. Не бойся, хуже не будет. А потом – бежать...

Варенька. Бежать? Куда? С кем?

Михаил. Со мной. За границу, в Берлин.

Варенька. Но как же, Миша? Обмануть всех – Николая, папеньку, маменьку?

Михаил. Ну, так что же, испугалась? Помни, Варя, ты должна уйти от мужа. Плотская связь без духовной – хуже всякого блуда – мерзость, кощунство, оскорбление духа. Освободиться или погибнуть – другого выбора нет. И еще помни: всякий возложивший руку свою на плуг и оглядывающийся назад, неблагонадежен для царствия Божьего. [24] Абсолютная истина ревнива – она хочет царить одна, без раздела. Или все, или ничего. А если ты боишься...

Варенька. Да нет же; нет, Миша; ничего я с тобой не боюсь. Только не оставляй меня, не уходи; голубчик, родной мой, желанный, единственный! Когда ты вот так говоришь, мне так легко; так легко и радостно, как будто через тебя мне открывается воля самого Бога. О, если бы ты только знал... но нет, ты никогда не узнаешь и не должен этого знать. Ты моя совесть, ты моя правда, ты мое все. Делай со мною, что хочешь!

Обнимает и целует его.

Михаил (глядя на дорожку к дому). Дьяков! Я пойду, а ты поговори с ним...

Варенька. Не уходи, Миша. – лучше вместе.

Михаил. Нет, поговори ты сначала, а я потом. Будь же твердой, Варя. Помни все, что я тебе сказал. Будешь помнить?

Варенька. Буду.

У

Дьяков и Варенька.

Дьяков. Ах, Варя, прости. Помешал?

Варенька. Нет, ничего.

Дьяков. А это кто? Миша? Куда же он? Хочешь, пойду за ним – позову?

Варенька. Поди сюда. Коля. Садись. Поговорим. Ты ведь завтра едешь в Луганово.

Дьяков. Да, завтра.

Варенька. Ну, вот, а ведь мы еще не поговорили как следует.

Дьяков. О чем?

Варенька. Обо всем. Что с нами будет.

Дьяков. Как ты решишь, так и будет. Я на все согласен.

Варенька. На все – значит ни на что. Ах, Коля, если бы ты только мог решить что-нибудь, все равно что, но только твердо, твердо, раз навсегда, и уже не изменять решения.

Дьяков. Что же решать? Ведь уже давно решили. Я еду в Луганово, а тебе за границу надо. Вот Миша едет, – поезжай с ним.

Варенька. А Сашка? Сашка с кем?

Дьяков. Как с кем? С тобою. Разве ты можешь без Сашки?

Варенька. Я-то не могу, а ты?

Дьяков. Мне все равно.

Варенька. Серьезно, Коля?

Дьяков. Серьезно. А что?

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Варенька. Нет, так. Говоришь, а сам как будто о другом думаешь.

Дьяков. О другом? Да, я теперь все думаю – так смешно, глупо, по-дурацки, – все о чем-то думаю, а сам хорошенько не знаю о чем.

(Прислоняется к стволу березы, закрывает глаза).

Варенька. Что с тобой? Опять голова болит?

Дьяков. Нет, ничего. Должно быть, все об этом думаю – о религии...

Варенька. О какой религии?

Дьяков. А помнишь, ты говорила, что у нас религии разные, – оттого-то нам так трудно вместе. А я вот не знаю, разные или не разные. Если бы мне только знать. Варя, какая у тебя религия. Отчего ты не хочешь сказать? Или я не пойму?.. И еще помнишь, ты говорила, что у одних глупых людей ум глупый, а у других – сердце. А у меня и ум и сердце глупое?

Варенька. Нет, Коля, сердце у тебя умное.

Дьяков. А если умное, значит, пойму. Только скажи просто. Разве нельзя просто? Знаешь, у меня был дядюшка. Ни в Бога, ни в черта не верил. Жена у него умерла. Он тосковал ужасно, а молиться не мог. Только раз покупал у мужика сено, на весах вешал и сам захотел свеситься. А мужик ему говорит: «Мы, говорит, с тобой старики, – нас вон где будут вешать». И указал на небо. А дядюшка и задумался. Думал-думал, да вдруг взял и начал молиться. Ну, так вот видишь, как можно просто сказать.

Варенька. Можно. Коля, да я не умею.

Дьяков. Не умеешь? И ты не умеешь? Оба, значит, не умеем. Вот горе! Ну что ж, ничего не поделаешь... Прости, Варя, я все не о том.

Она кладет ему руки на плечи и молча долго смотрит в лицо, улыбаясь.

Дьяков (тоже улыбаясь). Ну, что?

Варенька. А знаешь, Колька, может быть... может быть, я не уйду. Ты только скажи...

Дьяков. Что сказать? Ведь я не умею.

Она берет голову его обеими руками, кладет себе на плечи и тихим, однообразным движением руки, таким же, как у Полины Марковны, гладит по волосам и по щеке.

Варенька. Колька ты мой, Колька, хороший ты мой! Сашка! Катька моя!

Дьяков. Почему Катька?

Варенька. А разве не помнишь? Когда тяжела была Сашкою, – думала, девчонка родится и назвала ее Катькою. Любила-то как, больше, чем Сашку. Ну вот, ты у меня Катька. Катенька моя! Только плакать зачем, глупенькая?

Он вдруг тихо встает, отстраняет ее и уходит.

Варенька. Что ты, Колька? Что с тобой?

Дьяков. Ничего. Оставь. Так...

Варенька. Да что, что? Скажи.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Дьяков. Как собаку... Как собаку жалеешь. Думаешь, я не знаю, о чем вы тут с Мишей? Все знаю. Не так глуп... И ничего, ничего мне не надо! И уезжай с ним скорее, ради Бога, скорее! Я не могу больше, слышишь, не могу! Я с ума сойду! Беды наделаю! Я себя или его...

Варенька. Коля, Коля, молчи! Что ты?..

Входит Михаил.

VI

Михаил. Что такое, Варя, куда ты? Постой...

Варенька. Не могу, не могу, не могу! Нет больше сил их моих.

Убегает.

VII

Михаил и Дьяков.

Михаил. Что такое, Дьяков? Как вам не стыдно?

Дьяков. Скажите, Михаил Александрович, вы очень Варю любите?

Михаил. Что за вопрос!

Дьяков. Отвечайте же.

Михаил. Я не понимаю, право...

Дьяков. Я вас спрашиваю: вы очень любите Варю?

Михаил. Послушайте, мой друг, вы не Лир, а я не Корделия. [25]

Дьяков. Не смейте так говорить. Говорите как следует.

Михаил. Извольте. Да, я Варю очень люблю. Как себя, больше, чем себя.

Дьяков. Ну, так поезжайте с ней за границу. Ведь вы поедете, а ей тоже надо. Ну, вот и поезжайте вместе.

Михаил смотрит на Дьякова пристально.

Михаил. Вы это серьезно, Дьяков?

Дьяков. Серьезно.

Михаил. А что же вы усмехаетесь?

Дьяков. Так. Уж очень на нее похоже сказали.

Михаил. На Вареньку?

Дьяков. Да. Вы очень на нее похожи бываете.

Михаил. А вам это не нравится.

Дьяков. Не знаю... Нет, не нравится.

Михаил. Ну, что же делать. Извините, фамильное сходство... А ведь вы, Дьяков, кажется; в самом деле; шутить изволите?

Дьяков. Нет, Михаил Александрович, не шучу. (Вынимает бумажник и отсчитывает деньги). Вот, получить извольте.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Михаил. Что это?

Дьяков. Взаимы у меня просили, помните? Так вот-с. Полторы тысячи. Больше сейчас не могу. Усадьбу продам, – тогда вышлю. А пока до Берлина хватит.

Михаил. Спасибо. Мне сейчас не надо.

Дьяков. Как не надо? На что же поедете? Да ну же, берите. Ведь все равно возьмете. Лучше у меня, чем у процентщика. Все-таки, родственник. Очень прошу вас, Михаил Александрович. Для Вареньки. Только ей не говорите, – она не возьмет.

Михаил. Ну, ладно. Потом.

Дьяков. Когда же потом? Может быть, наедине не увидимся.

Михаил. Да ведь расписку надо, вексель, что ли?

Дьяков. Что за расписки, помилуйте-с! (Сует ему деньги. Он кладет их в карман). Ах, да, насчет паспорта. Давно готов, в Луганове оставил, вышлю с нарочным. Ну, кажется, все?.. А теперь ступайте к ней, успокойте... И скорее, ради Бога, скорее поезжайте, – сейчас же... А то поздно будет. Перерешу. Я ведь ничего не могу решить, как следует. Отниму Сашку, а она ведь без него не поедет. Как вы думаете, Михаил Александрович, ведь без Сашки не поедет, а?

Михаил. Что вы говорите, Дьяков? Точно бредите...голова, должно быть; у вас не в порядке.

Дьяков. Ну, полно, не сердитесь. Пошутил. А, может быть, и брежу. С ума схожу. Дурак сходит с ума. «Заяц бесится». Помните, «бешеный заяц»? Это мне Митенька сосплетничал. Ну, ничего, не бойтесь, не укушу.

Михаил. Шут вы, просто шут! Заразились от вашего Митеньки.

Дьяков. Не троньте Митеньку, – он пьян, да умен. А вы пьяны никогда не бывали, не по-немецки, а по-русски? И влюблены никогда не бывали? Не хотите сказать? Ну, так я скажу: не бывали, не бывали и не будете! Эх, умный вы человек. Михаил Александрович, а не хватает какого-то винтика. Оттого и с дураком не можете справиться... Да ну же, не сердитесь, что это, право, и пошутить нельзя!

Михаил. Шутите со мною, сударь; сколько угодно: но если вы вздумаете с Варенькой...

Дьяков. Ну-с, что же тогда?

Михаил. Тогда я вам ноги переломаю, вот что!

Уходит.

VIII

Дьяков один. Смотрит вслед Михаилу, потом бежит за ним. «Михаил Александрович! Михаил Александрович!» Возвращается к скамье, садится и, так же, как давеча, прислоняется головой к стволу березы, закрывает глаза. В глубине рощи Душенька и Ксандра перекликаются.

Голос Ксандры (поет).

Розы расцветают, –
Сердце, уповай.
Есть, нам обещают,
Где-то лучший рай...
Голос Душеньки. Ау! Ау! Мишка! Варька! Где же вы? Подите сюда. Сколько тут ландышей.

Голос Ксандры (поет).

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Вечно молодая
Там весна живет;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет...
Входит Александр Михайлович.

IX

Александр Михайлович садится рядом с Дьяковым. Тот не замечает его.
Александр Михайлович кладет ему руку на плечо.

Дьяков. Ах; папенька! Извините, я не слышал...

Александр Михайлович. Уснул?

Дьяков. Нет, так. Песни заслушался.

Александр Михайлович. Да, утешная песенка, старинная. Куда лучше нынешних...
А я тебя искал, Николай. Поговорить надо. Решили вы? Что ж ты молчишь? Не хочешь говорить со мною?

Дьяков. Нет, папенька, голубчик, ради Бога, не думайте! Ведь я же вас; как отца, больше, чем отца. Ну, да что говорить, сами знаете...

Александр Михайлович. Любишь, а не веришь?

Дьяков. Да нет же, верю, вам одним только и верю.

Александр Михайлович. Отчего же не хочешь сказать?

Дьяков. Что сказать? Ничего я не знаю. Запутался. Голова кругом идет. В самом деле, точно с ума схожу. Знаю одно: не хочу ее держать насильно, тираном быть, убийцею. Хочет за границу ехать, пусть едет...

Александр Михайлович. С кем? С Мишей?

Дьяков. С кем хочет. Мне все равно.

Александр Михайлович. А Сашка?

Дьяков. Пусть и Сашку берет.

Александр Михайлович. Скатертью, значит; дорога, – ступай с Богом на все четыре стороны? Славно решил! Жена, говорят, не башмак; – с ноги не скинешь. А ты взял, да и скинул. Надоело возиться, – и за щеку. Да ты хоть бы меня-то спросил, ведь и мне не чужая, небось...

Дьяков. Папенька; вы же сами видите...

Александр Михайлович. Ничего я не вижу. Вижу только, что задурила бабенка, а ты и раскис. Смотреть тошно. Сам хуже всякой бабы, тряпка, малодушный ты человек! Ну, скажи ты мне на милость – да не сразу, не сразу говори, а подумавши, скажи, любит она тебя или нет? Ага, задумался? Не знаешь? Аль и вправду не знаешь?

Дьяков (тихо, как будто про себя). Не знаю.

Александр Михайлович. А хочешь; скажу?

Дьяков. Скажите.

Александр Михайлович. Да ведь не поверишь?

Дьяков. Поверю; больше; чем себе поверю!

Александр Михайлович. Ну; так вот что, Николай: кто кого из вас больше любит, я не знаю. А что она тебя любит без памяти, – это знаю...

Дьяков. Любит и мучает так?

Александр Михайлович. А ты что думал? Ну, ладно, пусть я – старый дурак, из ума выжил, ничего не знаю, да ведь и ты не знаешь. Наверняка бы знать; что не любит, – разошлись бы да дело с концом. Ну, а что, если любит? Если вот все это – «люблю; не люблю» – только бред, наваждение, экзальтация, Мишкины глупости? Сама не знает, что делает, да ведь узнает когда-нибудь, и что тогда будет?

Дьяков. Оставьте, оставьте, папенька...

Александр Михайлович. Нет, не оставляю. Я за нее ответ дам Богу. За что же ты губишь ее? Можешь спасти и не хочешь.

Дьяков. Как спасти?

Александр Михайлович. Будто не знаешь?

Дьяков. Отнять Сашку?

Александр Михайлович. Ну вот – в одно слово.

Дьяков. Да разве это спасет?

Александр Михайлович. Спасет, если любит.

Дьяков. Нет, папенька, я этого не сделаю.

Александр Михайлович. Как знаешь. (Встает).

Дьяков. Пойдите.

Александр Михайлович. Ну, что.

Дьяков. Нет, ничего.

Александр Михайлович. Боишься? Взять на себя не хочешь?

Дьяков. Не могу.

Александр Михайлович. А если я возьму? Не можешь и этого. Ну, ладно, делай, как знаешь, и я по-своему сделаю. Только не мешай, молчи, не говори никому... Даешь слово?

Дьяков. Даю.

Александр Михайлович. А знаешь что, Николай, ведь Миша-то, пожалуй, прав: дурак ты, просто дурак, да и только! Ты как думаешь, а?

Дьяков. Не знаю... Может и дурак.

Александр Михайлович. Ну и пусть! А я за такого дурака десять умных отдам. Христос с тобой!

Обнимает его. Входит Митенька

Х

Александр Михайлович, Митенька, Дьяков.

Митенька. Александр Михайлович, пожалуйста-с.

Александр Михайлович. Что такое?

Митенька. Ничего особенного. Не извольте беспокоиться. Федька немного того... сшалил... как бы сказать поделикатнее... Не захотел «небесной гармонии»...

Александр Михайлович. Что вы врете. Покатилов? Опять, должно быть, выпивши?

Митенька. Никак нет-с. Ни в одном глазу.

Александр Михайлович. Да говорите толком, что случилось?

Митенька. Федька удавился. Только из петли вынули.

Александр Михайлович. Какой Федька?

Митенька. Забыли-с? Федька беглый, которого намедни высекли. Он самый. А вот и Климыч. И старуха с ним, Федькина мать. Слышите, воеет.

Александр Михайлович. Господи, воля твоя!

Александр Михайлович и Дьяков уходят.

XI

Митенька один. Вынимает из кармана штоф с рюмкою, наливает, подносит ко рту и, остановившись, прислушивается. Со стороны дома – бабий вой, из глубины роши – голос Ксандры.

Вечно молодая
Там весна живет;
Жизнь для нас иная
Там, в долине рая,
Розой расцветет...
Митенька (пьет). «Небесная гармония»... Эх-ма! Взять бы все за хвост да
стряхнуть к черту!

Действие третье

Большие сени в Премухинском доме. Деревянная лестница наверх в мезонин. В сенях, посередине – дверь в прихожую; налево – во внутренние комнаты, направо – во флигель. Печь с лежанкой. Большое окно, закрытое ставнями. Вынесенная из дома ветхая мебель, клавикорды, арфа. Наверху лестницы – площадка с тремя дверьми: в Сашину комнату, в спальню Варвары и барышень. Ночь. В сенях темно, горит ночник.

I

Савишна и Феня. Савишна за столом, при свете огарка вяжет чулок. Феня метит белье.

Савишна. Выдь-ка за ворота, девушка, погляди, не едут ли.

Феня. Ни за что не пойду, фекла Савишна, хоть убейте!

Савишна. Чего же ты дура, боишься? Светло на дворе, месячно.

Феня. Мало. что светло! В такие ночи нежить пуще бесится. В саду у нас – не к ночи будь сказано – Федька беглый ходит, удавленник; веревка на шее, лицо как чугунок. язык высунут, пальцем грозит: «Ужо я вас всех!» Страсть!

Савишна. А ты скажи: «Аминь, рассыпья!» – он тебя и не тронет.

Молчание. Феня снимает со свечки.

Феня. А что я вас хотела спросить, матушка, правда ли, говорят, будто барин наш молодой, Михаил Александрович, тоже из таковских – не к ночи будь помянуты – как бишь их, вот и забыла...

Савишна. Фармазоны, что ли?

Феня. Вот-вот, они самые. Это кто ж такие будут?

Савишна. А которые господа, книжек начитавшись, ум за разум зашедши, в Бога не веруют, властей не почитают, против естества живут, хуже язычников.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Феня. Ужли ж и он из таких? И что это с ним попритчилось?

Савишна. Мало, видно, учили смолоду. Такой был ребенок брыкливый, такой хохорь – просто беда! Ни лаской, ни сердцем. Мишины-то эти проказы мне вот где! Раз целую деревню чуть не спалил, огнем играючи... Да погоди, ужо беды наделает!

Феня. Ай-ай-ай! Все одно, значит, как порченный?

Савишна. Порченный и есть. И барышень всех перепортил. Ошалели, сердечные. А Варенька, та совсем от рук отбившись. Мужняя жена в девках живет. «Не хочу. говорит, в законе жить. Я, говорит, вольная...» Срам!

Феня. А ведь жалко! Какие барышни хорошие! И что ж, от этой самой порчи вылечить нельзя?

Савишна. Отчего нельзя? Свести к угоднику Задонскому, аль к Митрофанию, отслужить молебен у раки, икону поднять – выйдет из них порча, и все как рукой снимет.

Внизу, в прохожей, шаги и голоса.

Феня. Никак приехали?

Савишна. Ну, слава Богу. Пойдем, Фенюшка!

Феня. Нет, матушка, ступайте вы, а я не пойду. Как барыня узнает про Сашеньку. – со свету меня сживет. Вы с Апельсиной Лимоновной кашу заварили, – вы и расхлебывайте.

Убегает.

Савишна. Куда ты? Пстой! Ах, негодная!

II

Савишна, Варенька, Ксандра, Душенька и Михаил.

Варенька. Нянька, где Сашка?

Савишна. Ах. барышни, голубушки, а я и не слышала, как подъехали.

Душенька. Мы потихоньку, чтоб не разбудить папеньку.

Варенька. Отвечай же, няня. Сашка где?

Савишна. Чтой-то, барыня-матушка, вы убиваться изволите о Сашеньке. Не у чужих, чай, дитя. – у своих, как у Христа за пазушкой...

Варенька. Да говори толком. Здоров? Хорошо заснул? Не плакал?

Савишна. Как уехали давеча, маленько покапризничал, а потом затих. Как ангелочек, спит. Такой паинька. С вами-то больше балует.

Варенька. Ну. слава Богу!

Ксандра. Видишь. Варька, незачем было скакать сломя голову – переночевали бы у тетки, ничего с твоим Сашкой не сделалось.

Михаил. Доброй ночи, девочки.

Душенька. Очень болят?

Михаил. Нет, немножко.

Душенька. Дай повяжу тепленьким, припарочку сделаю.

Михаил. Ничего, и так пройдет.

Ксандра поднимает раму на окне и открывает ставни.

Ксандра. А в саду-то какая прелесть – луна, звезды!

Михаил. Да, звезды... однако, сыростью пахнет, лягушками.

Ксандра. Ах, Мишка, какой ты несносный!

Душенька. А я люблю...?

Ксандра. Что? Чтоб зубы у него болели?

Душенька. Да, когда у него что-нибудь болит не очень, а так, чуточку. Смешной у нас Мишка – забывает всю свою философию. И ухаживать можно за ним, вот как Варька за Сашкою. Ну, не сердись, миленький! погоди, дай в самое местечко поцелую, заговорю. Вот здесь?

Михаил. Здесь.

Душенька (поцеловав и пошептав). А как теперь?

Михаил. Лучше. Совсем прошло.

Душенька. Ну, вот видишь! Спи же с Богом. А если опять заболит, разбуди, припарочку сделаю.

Михаил уходит. Савишна идет к двери и останавливается у Сашиной комнаты, Душенька и Ксандра стоят у открытого окна.

III

Варенька, Душенька, Ксандра и Савишна.

Варенька. Пойдемте же. девочки...

Душенька. Постой, Варька... Что ты, Сашка, как можно сравнить! Луна вон какая холодная, а солнышко тепленькое...

Ксандра. А тебе бы все тепленького? Эх ты, ничего не понимаешь! Солнце – злое, грубое, бесстыжее, а луна – добрая нежная, чистая. Солнце ранит, а луна исцеляет.

Душенька. Сомнамбула ты, – оттого и любишь луну. Когда была маленькая, вставала ночью с постели и ходила по комнате, раз в окно чуть не вылезла – хотела к луне.

Ксандра (подымая руки). Да, к ней – к моей прекрасной, возлюбленной – к сестре моей небесной!

Варенька. Ну, пойдемте же, девочки. Спать пора.

Ксандра. Ах, Варька, какие вы все, право! То спать, то Сашка, то зубы, то припарочки. Не любите когда хорошо.

Душенька. Слишком хорошо было, оттого и раскисли.

Ксандра. Зачем же раскисать?

Душенька. А так уж всегда... Сначала экстаз, а потом и раскиснешь.

Ксандра. А не раскисать нельзя?

Душенька. Нельзя, душа не вынесет. Как струна, оборвется. – и конец.

Ксандра. Ну, и пусть конец. А так-то разве лучше – все начинается и не

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
кончается? Скучища какая. Господи! И кому это нужно? А ты, Варька, как думаешь?

Варенька. Помните, раз Мишка сказал, что Душенька ясное утро, а Ксандра – звездная ночь. Вот вы и спорите.

Ксандра. А ты сама кто?

Варенька. Я – вечер осенний...

Гляжу ль в туману даль вечернею порой
К клавиру ль приклоняюсь, гармонии внимаю, –
Во всем печальных дней конец воображаю...

Душенька. Нет, Ксандра, не так: ты – тихий свет вечерний, который лучше всякого утра и звезд.

Ксандра. А кто же день?

Душенька. Ну, конечно, Мишка: он – наше солнышко!

Варенька. И еще я о Любиньке думаю. Она ведь тоже все хотела конца, – и душа не вынесла, оборвалась, как струна... Вон там, на луне, это облачко, – как будто смотрит на нас... И ветерок шелестит в листьях – тоже она... «Эолову арфу»[26] помните?

И вдруг из молчанья
Поднялся протяжный, задумчивый звон
И тише дыханья
Играющий в листьях прохлады был он...

Душенька. А вот и опять хорошо. Опять не раскисли... Ксандра, голубушка, ну-ка. «Эолову арфу»!

Ксандра. Сашку не разбудим?

Душенька. А ты потихоньку.

Варенька. Ничего, он привык музыку, еще слаще спит под музыку.

Ксандра садится за арфу и тихо играет.

Ксандра (поет).

Свершилось! Свершилось!
Земля опустела! Уж милого нет!
С тех пор унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом.
Где жизнь без разлуки.
Где все не на час –
И мнились ей звуки.
Как будто летящий от родины глас...
Савишна (на площадке лестницы). Ишь, греховодницы! Воют на луну, как сучки,
аль ведьмы, прости Господи! И впрямь будто порченые – с нами сила крестная!

Ксандра (поет).

О, милые струны!
Играйте, играйте, мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой неотцветшей ко праху цветков...
А вот и лопнула струна... Конец...
Душенька. Что ты, Варька? Плачешь?

Варенька. Плачу? Нет. Мне сейчас так хорошо, так легко. Не знаю только, что это, грусть или радость. Но если и грусть, то лучше всякой радости...

Савишна. Барышни, а барышни? Аль почивать не будете?

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Варенька. Идем. нянька, идем. Не ворчи.

Варенька идет к двери Сашиной спальни. Савишна стоит на пороге.

Савишна. Сашеньку разбудите.

Варенька. Это еще что?

Савишна. Дверь, говорю, со скрипом – не смазано: скрипнет и разбудите.

Варенька. Ну, ладно, пусти.

Савишна. Не пущу.

Варенька. Да что такое? Что у тебя на уме? Пусти же, говорят тебе, пусти!

Отталкивая Савишну, Варенька входит в комнату, слабо освещенную лампадкою и месяцем.

IV

Савишна и Варенька

Савишна. Ох лихо-лишенько! Помилуй. Матьерь царица небесная.

Варенька (выбегая из комнаты). Нянька! Нянька! Что же это? Где он?

Савишна. Не извольте, сударыня, гневаться. Мы тут непричинны, как папенька велели, так и сделали. Воля господская...

Варенька. Что ты плетешь? Говори, где Сашка? Что вы с ним сделали?

Савишна. Да чтой-то, право, барыня, матушка. Христос с тобой, не цыганам, чай, отдали, к отцу отвезли...

Варенька. В Луганово?

Савишна. Куда же, как не в Луганово? Все честь честью, как следует – с Апраксией Ионовной, да с Амалией Карловной. Укрыли, укутали, чулочки шерстяные, одеяльце ватное. Тепленько, хорошоохонько. Ветром не венет – будет дитя в сохранности.

Варенька. И ты отдала?

Савишна. Как же не отдать? Воля господская...

Варенька. Так что же ты мне давеча тут... (Занося над ней руки). Ах, ты. лгунья! Подлая! Подлая! Подлая!

Савишна (опускаясь на колени). Бей, сударыня, бей! Вынянчила, выходила – и вот до чего дожила, дура старая! Ну, спасибо, Варенька, спасибо, дитятко... (Плачет).

Варенька. Прочь, хамка, с глаз моих!

Савишна уходит.

Варенька (открывая дверь барышнейной спальни). Дунька! Ксандра!

Они выбегают полураздетые.

V

Душенька, Ксандра и Варенька.

Душенька и Ксандра. Что такое?

Варенька. Сашку! Сашку! (Сбегая вниз по лестнице). Украли! Украли! Украли! (Падая на стул). Ох-ох-ох. Миша! Где Миша? Ради Бога. Мишу скорей...

Душенька. Сейчас. Воды. Сашка! Дурно ей... Боже мой!

Ксандра. Не суетись. Вот графин. Побудь с нею, а я за Мишей.

Ксандра убегает в дверь налево, во флигель Душенька поит Вареньку.

VI

Варенька и Душенька

Варенька. Ох, Дунька, вот оно, вот чего я боялась. Не вынесу, умру и не увижу Сашеньку, мальчика моего родненького! Отняли! Отняли!

Душенька. Ну, что ты, Варя, полно. Как они могут отнять, ты только подумай...

Варенька. Могут, все могут. Уж если это могли – Сашку украсть, – значит, все могут. Уж лучше бы сразу убили!

Душенька. Перестань. Варька! Нехорошо. Вспомни, что Миша сказал: надо быть твердою... Хочешь капель? Погоди, сейчас.

Входят Ксандра и Михаил, в халате, в туфлях, в ночном колпаке, с подвязанной щекой, но вдохновенный и решительный.

VII

Варенька, Михаил, Душенька и Ксандра.

Варенька. Миша! Миша! Сашку украли!

Михаил. Я так и знал. Экий подлец – этот Дьяков. Ведь это он?

Варенька. Не знаю... Нет, папенька... а, может быть, и он... Все вместе...

Михаил. Да, вместе все против нас. Ну, так и мы будем вместе... Да что ты, Варя? разве ты не знала? Я же тебе говорил, что этим кончится. И хорошо, что так. Тем лучше. Теперь же, по крайней мере, на чистоту – без лжи, без обмана. Война, так война. Не бойся же, девочка, милая, успокойся, не плачь.

Варенька. Ох, Миша, не могу я, не могу, не вынесу...

Душенька сбегает вниз по лестнице.

Душенька (капая в рюмку). Ох, руки трясутся...

Ксандра. Несносная! Только мечешься без толку! Давай сюда. (Накапав, подает Вареньке).

Михаил. Да, друзья мои; вот когда наступила минута решительная. Будем же помнить: дело наше святое, правое, все они – в абсолютной лжи, а мы – в абсолютной истине. Так с Богом же, с Богом вперед! Я начинаю. Душенька, Ксандра, вы тут с нею побудьте, а я к папеньке...

Душенька. Миша. а зубки как?

Михаил (сдернув со щеки повязку). Какие зубки? Я и забыл Все прошло.

Входят Александр Михайлович и Полина Марковна.

VIII

Александр Михайлович, Полина Марковна, Варенька, Михаил, Ксандра и Душенька

Александр Михайлович. Что такое? Что за шум?

Варенька. Папенька! Папенька!

Александр Михайлович. Что ты кричишь. Варя? Что случилось?

Варенька. Это вы – Сашку?..

Александр Михайлович. А-а, Сашка. А я думал. Бог знает что, – весь дом всполошили. Ну да, мой друг, я велел увезти Сашку в Луганово. Кажется, беды в этом особенной нет, что ребенка к отцу отправили. Ведь и ты когда-нибудь поедешь туда. Ну, так вот я Сашку вперед и отправил... да что ты, Варя? Ну что ты на меня так смотришь? Что же такое случилось? Я не пойму...

Варенька. Что вы сделали? Что вы сделали?

Александр Михайлович. Не горячись, мой друг, успокойся. Ты вот все говоришь: нельзя отнять сына у матери. А знаешь правило: не делай другому того, чего себе не хочешь. Не хочешь, чтобы у тебя Сашку отняли, – не отнимай его и ты у отца. Или отдай сына, или вернись к мужу.

Варенька. А, вот что! Вот чего вы хотите! Так знайте же, не будет этого, никогда я к нему не вернусь! Замучаете, убьете, а ничего вы со мной не сделаете. Господи! Господи! Ведь это же насильство, тиранство! Ведь это подло, подло, подло!

Александр Михайлович. Варя, это ты мне, отцу своему? (К Михаилу). А ты, сударь, что же молчишь? Вот они, твои уроки. Вот дело рук твоих – любуйся!

Михаил. Я на вас люблюсь, папенька! Варя правду говорит: то, что вы с нею сделали...

Полина Марковна. Молчи. Миша, молчи, не смей!

Михаил. Нет. маменька, довольно я молчал. Я больше не хочу молчать. Я все скажу, и никакие силы в мире не остановят меня. Война так война – только не с ней, а со мною воййте же – прямо, честно, открыто. Одну уже замучили, а теперь хотите другую. Но я не позволю вам, слышите, не позволю губить ее, убивать! Потому что это убийство, хуже убийства...

Александр Михайлович. Это я отец – убийца?

Михаил. Да, вы.

Александр Михайлович (занося над ним руку). негодяй!

Михаил. Ну, что ж, бейте! лучше меня, чем ее!

Полина Марковна кидается между ними. Александр Михайлович падает на стул и закрывает лицо руками

Александр Михайлович. Буди воля твоя. Господи! Вот награда за все, вот плоть и кровь моя... Ну, Бог нас с тобою рассудит, Миша. А только помяни мое слово: нехорошо ты кончишь, хуже Робеспьера и Марата, бунтовщиком против всех законов человеческих и будущих. Опомнись же, смиришь, пока не поздно...

Михаил. Нет. папенька, полно! Довольно я смирялся...

Александр Михайлович. Не хочешь?

Михаил. Не хочу!

Александр Михайлович (вставая и подымая руки торжественно). Ну, так я не

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
хочу за тебя отвечать непослушный сын! Вон из дому моего, и чтоб ноги твоей
здесь больше не было...

Полина Марковна одной рукой зажимает ему рот, другой уводит к двери.

Полина Марковна. Перестань! Перестань! Молчи! Пойдем!

Александр Михайлович и Полина Марковна уходят.

IX

Варенька сидит, опустив голову на руки, застывшая, как мертвая. Ксандра
стоит у окна неподвижно и смотрит на небо. Душенька, забившись в угол,
плачет. Михаил бледен, но по-прежнему бодр и решителен.

Михаил. Ну, девочки, плакать некогда – надо действовать. Варя, можешь меня
выслушать?

Варенька. Могу. Миша. Видишь, я спокойна. Говори.

Михаил. Ну. так слушайте, друзья. Вот мой план. Нам с Варей здесь
оставаться нельзя ни минуты... Который час?

Ксандра. Третий...

Михаил. Времени довольно. Подождем, пока все в доме улягутся – тогда
бежать. Сначала в Луганово, за Сашкою, а потом в Козицыно, к тетке, а
оттуда прямо в Петербург и морем за границу, в Берлин. Я уже написал
Краевскому, [27] чтобы каюту взял на первом пароходе в Любек.

Варенька. А как же деньги, паспорт?

Михаил. Паспорт у Дьякова вытребуем, а деньги... У тебя сколько?

Варенька. Ничего.

Михаил. У меня полторы. Да, маловато. А у Дьякова не возьмешь?

Варенька. Что ты, Миша, взять и бежать? Украсть?

Михаил. Ну, положим. Я бы того... А. впрочем... черт с ним! Где-нибудь
перехватим. Только бы вырваться. А может быть и без денег насидимся, в
бедности, в голоде, в холоде... Ты не боишься. Варя?

Варенька. Нет, милый, ничего я с тобой не боюсь.

Михаил. Ну, значит, едем. Душенька, Ксандра, ступайте укладывать Варьку, а
она пусть полежит, отдохнет. Немного берите – налегке поедим сейчас –
остальное потом привезете в Козицыно. А я пойду – лошадей.

Уходит.

?

Полина Марковна, Варенька и Ксандра.

Полина Марковна. Я на минутку, девочки – только два слова сказать... Варя, ты
не думаешь, что и я с папенькой?..

Варенька. Нет. мамочка, я знаю, что вы всегда с нами.

Полина Марковна. Ну, не всегда. Ведь и вы не всегда правы. Все мы не правы,
и все должны простить друг друга. Прости папеньку. Варя, и меня прости, что
не доглядела за ним.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Варенька. Что вы, маменька. Бог с вами! Вы меня простите, вы и папенька...

Полина Марковна. Ничего. Бог простит...

Варенька. Ах, уж не знаю, простит ли...

Полина Марковна. Полно, мой друг, человек прощает, – Бог ли не простит...
Когда же едете?

Варенька. Кто вам сказал, маменька?

Полина Марковна. Сама знаю. Да вы не бойтесь – не выдам. Я же знаю, вам с Мишей здесь оставаться нельзя. Поезжайте с Богом. Ведь Миша едет с тобой?

Варенька. Да. со мной.

Полина Марковна. Ты ему верь, но не во всем. У него ум большой, а сердце иногда неумное. Многого не чувствует, а только воображает, что чувствует, и от этого другим больно. Ну, и восторженный. Вы, впрочем, все такие. Это хорошо для девушки, а ты уже мать, – тебе надо было быть спокойною. Да, все преувеличенное незначительно. Это вам всем надо помнить, а Мише особенно. Не согласна?

Варенька. Нет, не совсем.

Ксандра. А я совсем нет.

Полина Марковна. Ну, спорить не будем. Может быть согласитесь потом. Когда же едете?

Варенька. Миша хочет сейчас.

Полина Марковна. Сейчас так сейчас. Чем скорее, тем лучше. У тетки будете?

Варенька. Будем.

Полина Марковна. Ну, так и я туда приеду, – там и простимся. А теперь мне к моему старику пора. (Обнимает ее и молча гладит по волосам и по щеке своим обычным, однообразным движением руки). Ну что, успокоилась?

Варенька. Ах, маменька, голубушка, спасибо вам! Какая вы хорошая! Вы лучше всех на свете!

Полина Марковна. Ну, Христос с тобой!

Уходит.

Ксандра. Скорее, скорее Варьку укладывать, а то Миша придет, а мы не готовы.

Всходят по лестнице в барышнины комнаты. Никого. Светает, но солнце еще не вставало. Входит Михаил. Михаил один. Одет по-дорожному, в бекеше и картузе. В руках – поднос с бокалами и бутылка шампанского. Ставит их на столе. Подходит к окну, смотрит на небо и на часы. Взбегает по лестнице и стучит в дверь.

Голос Вареньки из-за двери. Кто там?

Михаил. Скорее, девочки! Лошади поданы.

Голос Ксандры. Сейчас, Миша.

Михаил (открывая дверь). Я к заднему крыльцу велел подавать, чтоб не услышал папенька. Туда и вещи сносить. Да потихоньку, феня.

Голос фени. Будьте спокойны, барин, никто не услышит.

Выходят на площадку лестницы. Варенька, одета по-дорожному, в шляпе с вуалью, Душенька и Ксандра. Все сходят вниз по лестнице.

Михаил (наливая бокалы). Посошок на дорожку... Ах, мои милые, милые девочки, я так счастлив сейчас, как никогда еще не был, и, может быть, никогда уже не буду. Я чувствую силу в себе бесконечную – вашу силу, вашу Любовь. Я силен, как титан Прометей... (Вдруг усмехаясь). Гм... гм... господин Прометей, господин Хлестаков...

Ксандра. Что ты, Миша? Какой Хлестаков?

Михаил. Из «Ревизора» Гоголя. Это Белинский дразнит меня: «господин Хлестаков, залетевший в пространства надзвездные»...

Душенька. Полно, голубчик, ой, полно! А то опять будет щекотно...

Ксандра. Твой Белинский – просто дурак!

Михаил. Нет, не он, а мы дураки. Дон-Кихоты, безумцы, романтики. Самые смешные люди в мире. Ну и пусть. Пусть над нами смеются взрослые, важные, умные. Не бойтесь друзья, не они, а мы победим, мы, смешные, победим смеющихся!

Душенька. Смотрите, смотрите, солнышко!

Михаил. Да, вот оно, солнце великого дня! (Раздавая бокалы). За что же выпьем, девочки?

Душенька. За Варьку.

Ксандра. Нет, сначала за всех, за наш союз!

Михаил. Да, первый бокал за него. Да будет он крепок и вечен, как это вечное солнце. Благослови, святое солнце нас святой союз!

Подносят бокалы, чокаются и пьют

Душенька. Ну, а теперь за Варьку.

Михаил. Да, за нее. Нынче с женщиной-матерью и земля, наша мать, как раба, закована, поругана. Но восстанет, свободная, и будет, как жена, облаченная в Солнце.[28] За освобожденную женщину – Освободительницу мира!

Пьют.

Михаил. Ну, а третий, последний, за что?

Варенька, Душенька и Ксандра. За тебя, за тебя, Мишка! За нашего освободителя! За второе наше солнышко.

Михаил. Нет, не за меня, а за то, что я люблю больше чем себя самого – за освобождающую истину. Помните то, что я вам говорил. – Восторг разрушения – восторг созидания. За разрушающую и созидающую Истину – солнце всех солнц!

Действие четвертое

В Луганове, в доме Дьякова, большая неуютная комната. Одна дверь в прихожую, другая – в кабинет. Два окна – одно на двор, с флигелями и службами, другое – в поле. Вечер. Дождь.

I

Дьяков и Митенька сидят за столом, уставленным закусками и бутылками.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Митенька. Да, брат, скучно на этом свете, а есть ли другой – неизвестно...

Дьяков. Не философствуй, ради Бога! и без того тошно.

Митенька. А ты чего куксишься? Лей!

Дьяков. Не хочу.

Митенька. Ну что же мне с тобой делать? Ну, хочешь, спляшу? (Наигрывает на гитаре).

Дьяков. Полно. Митя, оставь. (Глядя в окно). Эк, зарядил.

Митенька. Ничего, дождик тепленький березовым веником пахнет. Озимым хорошо.

Дьяков. Тоска. Едем, что ли?

Митенька. Едем.

Дьяков. Куда?

Митенька. Неизвестно, куда. Прямо к цыганкам закатимся. Тряхнем стариной – по-улански. Закутим, замутим, пустим дым коромыслом, завьем горе веревочкой.

Дьяков. Да ведь и там тоска... А у этой, как бишь ее, у Апельсины Лимоновны бородавка на носу с рыжим волосом...

Митенька. Это что – бородавка, а вот была у нашего дивизионного – целый пук волос на переносице, – как рассердится, так дыбом и встанут. Противно!

Дьяков (опять глядя в окно). Нет, не березовым веником махнет, а червем дождевым. Знаешь, черви такие – длинные, розовые, слизкие. Препротивные... А намедни дворнику Михею боров палец укусил: резал Михей борова да не дорезал: а тот взбесился, вырвался и укусил, вся рука сгнила, антонов огонь[29] сделался... Говорят, у всех животных. когда они бесятся, слюна ядовитая... и у «бешеного зайца» тоже?

Митенька. Экая дрянь тебе в голову лезет!

Дьяков. Тоска!

Входит Лаврентьич.

II

Дьяков, Лаврентьич и Митенька.

Дьяков. Чего тебе?

Лаврентьич. У Сашеньки животик болит.

Дьяков. Ну, что ж. поболит и пройдет.

Лаврентьич. Не послать ли за фершалом?

Дьяков. Пошли.

Лаврентьич. Аль бобковой мазью потереть пупочек?

Дьяков. Потри.

Лаврентьич. Да ведь я, чай, не мамушка.

Дьяков. Там их целых две – будет с него.

Лаврентьич. А какой в них толк? Только цапаются, Апельсина Лимоновна – ведьма, а Амалия Карловна – черт. Одна за ручку, другая за ножку, того и

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
гляди – пополам дитя раздерут.

Дьяков. Не раздерут. Ну, ступай. Надоел.

Молчание.

Лаврентьич. Как же так, сударь? Не приبلудный, чай, не пашенок, – свое дитя, законное. Вот ужо приедет барыня...

Дьяков (вскакивает и замахивается чубуком). Молчи, дурак! Я тебя...

Лаврентьич уходит.

III

Митенька и Дьяков.

Митенька. За что же ты на Сашку взъелся? Он-то чем виноват?

Дьяков (поднимая голову). Я тебя просил, Митя, не говорить об этом... И зачем мне его подкинули? делали бы с ним, что знают... Все из-за него... Как родился – точно ножом отрезало... (Наливает вина и пьет). Ну, едем. Все равно, куда, хоть к черту.

Митенька встает.

Дьяков. Нет, стой, погоди... Слушай, Митя, ты Михаила Кубанина любишь?

Митенька. Люблю.

Дьяков. И меня любишь?

Митенька. И тебя.

Дьяков. Как же так? Или меня, или его.

Митенька. Что же делать? Оба вы – люди хорошие.

Дьяков (положив письмо на столе). На, читай.

Митенька. Я, брат, чужих писем не читаю.

Дьяков. Не бойся, не украл. Да тут и секретов нет. Знаешь Белинского?

Митенька. Виссариона Григорьевича? Ну, еще бы. Вместе у Кубаниных гостили. Тоже «заяц бешеный».

Дьяков. И Боткина знаешь?[30]

Митенька. Ваську-то купчика? У папеньки, в лавке чаем торгует[31] а Гегеля так и жарит. Умный парень.

Дьяков. Ну, так вот, читай. Это – письмо Белинского к Боткину о Михаиле Кубанине.

Митенька. Нет, уж лучше ты. Да не все, а то засну, – ишь, какое длинное.

Дьяков (читает). Слушай. «Я этого человека любил больше всех на свете. Но теперь он для меня – решенная загадка. О, гнусный, подлый эгоист, шут, паяц, фразер, дьявол в философских перьях. Абстрактный герой, рожденный на свою и на чужую гибель, человек с чудесной головой, но без сердца, и притом, с кровью протухшей соленой трески»...

Митенька. Вот так ругается! Отроду таких ругательств не слыхивал. Ах, господи писачки... Ну, полно, будет с меня.

Дьяков. Нет, слушай конец. (Читает). «В эту минуту мне кажется, что я, только бы увидел его, как попросил бы, или убить меня, или позволить мне убить его». Ну, вот, слышал?

Митенька. Слышал.

Дьяков. Верно?

Митенька. Не знаю. Может и верно.

Дьяков. И ты его любишь?

Митенька. Люблю. (Высовывается в окно). Кто-то приехал... А ведь это он, легок на помине.

Дьяков. Кто?

Митенька. Мишенька.

Дьяков. Кубанин?

Митенька. Он самый.

Дьяков. Один?

Митенька. Не видать отсюда... Как будто один.

Дьяков. Лаврентьич! Лаврентьич!

Входит Лаврентьич.

IV

Дьяков. Ступай, беги скорее. Приехали там. Скажи, что принимать не велено. Не пускай, слышишь?

Лаврентьич. Слушаю-с. А только ежели...

Дьяков. Да ступай же, черт, ступай.

Лаврентьич уходит.

V

Митенька. Что ты, Коля, разве можно?

Дьяков. Нет, Митя, ни за что. Не могу я его видеть.

Митенька. Да ведь все равно войдет.

Дьяков. Ну, так я уйду, а ты скажи ему...

Митенька. Что испугался, сказать? Что спрятался?

Голоса Михаила и Лаврентьича за дверью.

Голос Михаила. Ну ладно. Никто тебя не спрашивает.

Голос Лаврентьича. Михаил Александрович! Сударь, а, сударь! Толкать не извольте!

VI

Михаил, Дьяков и Митенька.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Михаил. Это еще что за новости? Принимать не велели? (Подает руку Дьякову, тот не берет ее). И руки не даете? Ого, расхрабрились как! Ну что ж, пожалуй, и лучше, по крайней мере, лгать больше не будете.

Дьяков. Вы один? А Варя?.. Варвара Александровна где?

Михаил. Потом узнаете. Я приехал за Сашкою.. Что ж вы молчите? Или говорить со мною не хотите?

Дьяков. Не хочу.

Митенька. Нашла коса на камень!

Михаил. Извините, Митенька, нам поговорить надо с Дьяковым.

Митенька. Сделайте одолжение.

Дьяков. Нет, Митя, не уходи. Нам говорить с ним не о чем.

Михаил. Воля ваша, Дьяков, а выслушать вам меня все-таки придется. Вы обещали отдать Сашку, помните? Все-таки обязаны, как честный человек.

Дьяков. Михаил Александрович, уходите. Прошу вас, уходите.

Михаил (усевшись на стул). Я без Сашки не уйду.

Дьяков. Уходите. Кубанин, сейчас же уходите, слышите!

Михаил. А вы лучше не упрямитесь, – все равно, отдадите.

Дьяков. Вон! Вон! Вон!

Михаил. Ай-ай, как страшно – «бешеный заяц»!

Дьяков (кидается на Михаила и хватает его за ворот). Я тебя.. Я тебя.. Я тебя.. Подлец!

Михаил. Сам ты подлец! (Дьяков ударяет Михаила по лицу).

Митенька. Господа, господа, драться не надо. Я караул закричу.

Дерутся.

Михаил. Стреляться! Стреляться!

Дьяков. А-га! Наконец-то! Ну, смотри же, – если есть в тебе хоть капля крови, помни, что ты сказал. Держи его, Митя, не пускай, я сейчас...

Дьяков убегает.

Митенька. Уходите, Кубанин, уходите! Разве вы не видите, он с ума сошел.

Михаил. Пусть убьет. Я его сам..

Митенька. Ну, вот, и этот. Э, черт, оба взбесились.. Ну. что мне с вами делать, – водой разливать, что ли?

Входит Дьяков с двумя пистолетами.

VII

Дьяков (подавая пистолеты Митеньке). Вот на, смотри. И шаги отмерь.. или как там, через платок, что ли? Мне все равно.

Митенька. Да ты что это, сударь, затеял? Стреляться здесь, в комнате?

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
Дьяков. Да, здесь же, на месте, сию же минуту. А то удерет, – я его знаю.

Митенька. Да что ты. Коля, помилуй! Ведь он у тебя гость в доме. Какая же это дуэль? Это – смертоубийство...

Дьяков. Не хочешь? (подавая пистолеты Михаилу). Осмотрите сами. Выбирайте.

Михаил берет один из пистолетов, видимо не сознавая, что делает. Дьяков отходит на другой конец комнаты.

Митенька (кидается к Дьякову). Сумасшедший! Сумасшедший! Что ты делаешь?

Дьяков. Прочь, Митя! Убью!

Митенька (в окно). караул! Помогите! Лаврентьич!

Дьяков. Стреляйте же! Стреляйте!

Лаврентьич всовывает в дверь голову и сейчас же скрывается.

Михаил (кидая пистолет на пол). Я стреляться не буду.

Дьяков. Не будете?

Михаил. Не буду.

Дьяков. Не хотите здесь, в комнате?

Михаил. Нет, совсем не хочу. Противно.

Дьяков. Что противно?

Михаил. Убивать.

Дьяков (взводя курок). Стреляйте же, черт побери! Или убью, как собаку!

Михаил. Убивайте!

Вбегает Варенька.

VIII

Варенька, Дьяков, Митенька и Михаил.

Варенька. Что это? что это? что это?

Дьяков роняет пистолет и молча пятится к стене, глядя на Вареньку широко раскрытыми глазами, как в ужасе.

Варенька (кидается к Михаилу). Миша! Миша! что это? (вдруг обернувшись к Дьякову). Мало тебе Сашки? Мало тебе Сашки? Хочешь и Мишку? Нет, не его, а меня убей! Только не мучай! Довольно мучил – я больше тебе не позволю! Довольно лгал, хитрил, за чужие спины прятался, низкий, низкий ты человек! Трус! Вор! Думал, Сашку украдешь, и я вернусь? Так вот же, никогда не вернусь! И ничего ты со мной не сделаешь... Убьешь и не сделаешь. Убивай, а Сашку я тебе не отдам! Сама своими руками убью, а тебе не отдам... Миша, пойдем. Убьет – и пусть... Видишь, молчит, не смеет... Пойдем же, Миша!

Берет Михаила за руку, идет мимо Дьякова и вдруг, остановившись, смотрит на него молча, долго, пристально.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
Михаил. Ну, что же ты, Варя?

Варенька опускает руку Михаила, не отводя глаз от Дьякова. Тот стоит все так же, не двигаясь, прислонившись спиной к стене, и смотрит на нее открытыми глазами. Михаил берет Вареньку за руку.

Варенька. Постой, Миша. (Вдруг обернувшись к нему, вырывает руку). Оставь! Оставь! Уходи! Уходи! Уходи!

Михаил. Что ты, Варя? Зачем? Я без тебя...

Варенька. Нет! Нет! Нет! Ступай! Ступай! Ступай! Ради Бога, Миша, милый, прошу тебя, ступай!

Митенька. Михаил Александрович, пойдите. Разве не видите – лучше будет.

Михаил. Да что такое? Я не понимаю.

Митенька. Не понимаете? Ну, ничего, уже поймете. (Поднимает пистолет с пола и берет Михаила за руку). Да ну же, ну, говорят вам, ступайте!

Митенька уводит Михаила. Варенька молча подходит к Дьякову. Тот так же молча закрывает лицо руками.

Варенька. Колька, ты что? Что ты молчишь? Ну, скажи же, скажи что-нибудь. (Кладет ему руки на плечи). Ох. Колька, что я наделала! Что я наделала!

Дьяков (падает к ее ногам). Варя! Варя! Варя, милая!

Варенька. Ну, полно же, полно, глупенький! Поверил? зачем же верил? Я ведь все не то, все не то... Сама не знаю, что говорю. С ума схожу. Да нет же, нет, никогда я от тебя не уйду, никогда тебя не оставлю. (Обнимает и целует его). Ну, как такого оставить? Все равно, что Сашку. Оба вы у меня вместе – что он, то и ты... Ох, Коля, голубчик, я ведь думала, что могу уйти, а вот не могу. И к кому мне идти? К Мишке, что ли?.. Нет, нет... опять не то... Не слушай меня, не верь. Никого у меня нет, кроме тебя... Ну, что же ты плачешь, что же ты плачешь. Сашка мой, Катька моя, глупенькая? Ох, бедная ты моя, бедная, что я с тобой сделала! Ну, да зато уж теперь так приласкаю, так полюблю...

Дьяков. Варя... Варя... Зачем?

Варенька. А затем, что люблю. Аль не веришь? Ну, погоди, уже поверишь... Нет, все не то... Ну, смотри мне в глаза – вот так... Видишь, видишь теперь?

Дьяков. Варя! Правда? Любишь?

Варенька. А ты что думал? Ну, да, да, тебя одного, только тебя одного и люблю!

Дьяков плачет и целует ноги ее. Потом вдруг молча встает, медленно идет к столу, садится и опускает голову на руки.

Варенька. Что с тобой, Коля? Опять? Нет, Колька, не надо... Колька, Колька, поди же сюда!

Дьяков все так же медленно, молча встает, подходит к висящему на стене звонку и звонит. Входит Лаврентьич.

IX

Дьяков. Барыня едет, Лаврентьич. Вели одевать Сашу и вещи укладывать. Да поскорее. Когда будет готово, выносить в карету прямо из флигеля. Ну, ступай, да смотри же, скорее.

Лаврентьич. Слушаю-с.

Уходит.

?

Варенька и Дьяков.

Варенька. Коля, что ты хочешь?

Дьяков. Сашку с тобой отправить. Ты ведь без него не поедешь.

Варенька. Никуда я не поеду. Я же тебе сказала...

Дьяков. Нет, Варя, поедешь. Иначе нельзя.

Варенька. Почему нельзя?

Дьяков. Не знаю. Не говори, прошу тебя, ничего, ничего не говори... И скорее, скорее, ради Бога, скорее!

Варенька. Не веришь? Не любишь? Гонишь?

Дьяков. Перестань. Не мучь меня. Трудно мне, разве не видишь, как трудно. Оставь. Потом... Ну, а теперь с Богом. (Вынимает из бюро пакет). Вот на тут паспорт и деньги. Три тысячи. Миша взял полторы. Хватит пока. Возьми же. (Сует ей в руку пакет, она не берет). Не хочешь? Ну ладно, я Мише отдам. Ну, скорее, скорее!

Варенька. Что я сделала! Что я сделала! (Плачет). Правда. Коля? Скажи, правда – иначе нельзя? Тебе лучше так?

Дьяков. Нам обоим лучше.

Варенька. Нет, тебе – обо мне не думай. – а как тебе?

Дьяков. Да, Варя, и мне так лучше.

Варенька. Ну, что ж, пусть. Сама виновата. Так мне и надо! так мне и надо! Прости, Коля... (Ломая руку). Да нет же, нет, я знаю, нельзя никогда, никогда нельзя простить!

Дьяков. Что ты, Варя, полно. За что мне тебя прощать? А если и есть за что, Бог простит. (Обнимает и целует ее). Дай перекрещу. Вот так. И ты меня. А Миша где? (Открывает дверь и зовет). Михаил Александрович!

XI

Дьяков, Михаил и Варенька.

Дьяков. Очень я перед вами виноват, Михаил Александрович – так виноват, что уж и не знаю. право, можно ли? Но, если можно, простите меня... А если нельзя, я всегда готов, когда и где вам будет угодно. За вами выстрел. А только лучше бы, право...

Михаил. Не понимаю. Ничего не понимаю.

Дьяков. Да что ж тут понимать? Дело простое: Варя едет за границу с вами и Сашею.

Михаил. А как же вы?

Дьяков. Я остаюсь. Или тоже уеду куда-нибудь. Обо мне не беспокойтесь.

Михаил. Нет, в самом деле?

Дьяков. В самом деле. Спросите Варю.

Михаил. Варя, правда?

Варенька. Да, Миша. Правда.

Михаил. Что ж это такое? Из-за чего же мы давеча?.. Ах, Боже мой, как глупо! Послушайте. Дьяков, я ведь перед вами кругом виноват.

Дьяков. Что вы, Михаил Александрович, Бог с вами! Уж если считать вины, так оба виноваты мы одинаково.

Михаил. А знаете что? Мириться – так мириться. Дьяков, голубчик, позвольте вас обнять!

Дьяков. Нет, Михаил Александрович, уж лучше не будем ни обниматься, ни драться. Лучше попросту: если можете, дайте мне руку. Вот так. Ну, а теперь с Богом! Скорее! Варенька, пойдём Сашку укладывать.

Варенька. Нет, Коля, я так не могу. Я должна...

Дьяков. Молчи, молчи! Пойдем!

Дьяков и Варенька уходят.

XII

Михаил и Митенька.

Михаил. А все-таки я не понимаю...

Митенька. И не трудитесь, Мишенька, – все равно не дойдете... Это вам не Гегель – не «разумное действительно», к черту логику – и все шиворот-навыворот.

Михаил. Вы думаете, Митенька? (Подносит руку к щеке).

Митенька. А что, зубы болят? Хотите платочек подвязать? А то как бы флюс не сделался. Да вы не конфузьтесь, батюшка. Эка невидаль – оплеуха подле уха! Это иногда лучше всякой логики.

Михаил. Вы, сударь, пьяны, глупы и пьяны. Убирайтесь к черту, пока я вас...

Митенька. Сделайте одолжение. (Подставляя щеки). Вот обе – в какую угодно.

Михаил. Ну. вас... блажененький!

Митенька. Нет, стой, погоди! Не так я глуп, как ты думаешь. А что пьян – пьян да умен, два угодя в нем. Не понимаю я, что ли, с кем говорю? Ведь кто кого победил давеча – он ли тебя или ты его, это один Бог рассудит. Эх-ма, голубчик Мишенька, все понимаю! Не сердись на меня. Ведь ты сейчас с Россией-матушкой прощаешься! Уедешь – и не видать тебе ее, как ушей своих. Бунтовал здесь мальчиков и девочек – бунтовать будешь там народы и царства. Накутишь, намутишь, так что небу будет жарко. Крови отведает львенок – будет лев, ищай кого поглотити. Ну, брат, счастливо! Поцелуемся – со мной-то можно, чай, – не подеремся! Аль брезгаешь?

Михаил. Нет, отчего же? С удовольствием. Вы тоже, Митенька, славный. Спасибо вас всем, за все спасибо. Не поминайте лихом. (Обнимаются). А что, Митенька, о чем я вас хотел спросить: что это я сказал Дьякову давеча, когда он в меня целился?

Митенька. Ну, что вы... Будто сами не помните? сказали, что стрелять не будете.

Михаил. А еще что?

Митенька. Еще? А еще, – что убивать не хотите, потому что противно.

Михаил. Вот, вот, оно самое! Противно. (Помолчав). Митенька, а что, очень я

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosofff.org
тогда боялся?

Митенька. Ну, уж это вам лучше знать.

Михаил. Нет, а вам, со стороны как?

Митенька. Мне?.. Чудак вы, право, Михаил Александрович! Ну, да уж что там... Молодец, молодец, дай Бог всякому так!

Михаил. Гм, молодец? (Улыбаясь). А знаете, я ведь, может, и очень боялся. А только я тогда совсем о другом думал...

Митенька. О другом? О чем это?

Михаил. Да вот об том самом, что убивать не хочу. Поединок, говорят, дело чести. А я не хочу убивать, совсем не хочу. Противно. И если по чести убивать надо. – ну ее к черту и честь!

Митенька. Вон оно куда! А ведь это уже на мое выходит – вот как я говорю: взять все за хвост да и стряхнуть к черту!

Михаил. Ну, может, и не все, а уж это навверное! Уж это навверное! С этого все и начинается. Тут-то оно и есть, – бунт, – такой бунт, какого еще никогда не бывало! Никогда не бывало! А ведь никто не понимает... Ну, да ничего, поймут. Надо, чтобы поняли. И я это сделаю, сделаю, сделаю!

Митенька. Ну, и сделай, ну и сделай. Мишенька! Помоги тебе Бог!

Голос Дьякова с лестницы. Михаил Александрович! Михаил Александрович!

Михаил. Иду!

Уходят.

XIII

Митенька один. По комнате пробегают люди с тюками, узлами, чемоданами. По всему дому суматоха, говор, крики, хлопанье дверей. Чей-то голос вдали: «Одеяльце забыли, одеяльце Сашенькино». Голоса на дворе: «Ну, с Богом, трогай».

Митенька (в окно кланяясь и махая платком). Счастливо! Счастливо! (Идет к столу, садится, наливает вино, пьет и наигрывает на гитаре).

Входит Дьяков.

XIV

Дьяков садится, так же, как давеча, кладет руки на край стола и опускает на них голову. Митенька продолжает взигрывать и посматривать на Дьякова искоса. Потом встает и кладет ему руку на плечо.

Митенька. Ну, что ж, Коля, и нам пора. Лихо кутнем, такой карамболь зададим, что чертям тошно станет!

Дьяков. Полно, Митя, перестань. Уходи.

Митенька. Ну, брат, шалишь! Не уйду. Мы теперь с тобой до одной точки дошли – одна дорога – вместе пойдем!

Дьяков наливает в стакан воды и хочет пить. Митенька удерживает его за руку.

Митенька. Ты что это, сударь, вздумал? (Наливает вина). На, пей, – здоровее будет!

Дьяков. Не хочу.

Митенька. Вина не хочешь? Ну, брат, плохо дело! (Дьяков пьет воду). А что ты думаешь. Коля, надолго она уехала?

Дьяков. Не знаю.

Митенька. А хочешь пари держать, что года не пройдет, как вернется?

Дьяков. Прошу тебя, Митя...

Митенька. Ну, ладно, не буду. А только, если вернется, помни, брат, что это – дело Мишиных рук. Зла тебе хотел, а сделал добро. Знаешь притчу: медовые соты в челюсти львиной, – из едущего вышло едомое, и из крепкого вышло сладкое. [32]

Дьяков (идет к двери и зовет). Лаврентьич!

Входит Лаврентьич.

XV

Дьяков, Лаврентьич и Митенька.

Дьяков. Я уезжаю, Лаврентьич. Может быть, не скоро вернусь. Управителю доверенность вышлю на продажу усадьбы. А ты пока за домом присматривай. Да вещи пришли. Я тебе из Москвы напишу.

Лаврентьич. Слушаю-с. (Помолчал). А куда, сударь, ехать изволите?

Дьяков. Не знаю. На Кавказ, должно быть, в действующую армию.

Лаврентьич. На Кавказ! Вот что. Опять, значит, в полк? Служить будете?

Дьяков. Так, может быть.

Лаврентьич. Так-с. И усадьбу продадите?.. Батюшка, барин, Николай Николаич, отец ты наш! А мы-то как же без тебя? И не вернешься к нам?

Дьяков. Нет, отчего же? Если не убьют, вернусь. (Идет к бюро, вынимает бумагу из ящика). Вот на, возьми, – отпускная тебе. А потом, когда справлюсь, в Москве, всех дворовых отпущу на волю. Так им и скажи. (Лаврентьич берет бумагу, отворачивается и молча трет глаза кулаком).

Дьяков. Ну, что же ты? Аль воле не рад?

Лаврентьич комкает бумагу, рвет ее, кидает на пол и топчет ногами.

Лаврентьич. Вот вам! Вот вам! Вот вам воля ваша! Ничего мне не надо! Пропадай все пропадом! И за что вы меня, сударь! Кажись, верой-правдой служил, и вам, и папеньке, и деденьке. На руках носил, ходил, пестовал, а вы меня, старика... Эх, сударь!

Дьяков. Ну, полно. Лаврентьич. Если ты не хочешь...

Лаврентьич (кланяясь в ноги). Батюшка, барин, смилуйся, не губи ты нас, сирот! Не разорь гнезда родного! Коли нас не жалеешь, хоть гробы отцов пожалей!

Дьяков. Ну, ладно. Я еще подумаю. Может быть, и не продам. Только не плачь. А если на волю не хочешь. – Бог с тобой, служи, как раньше служил. Я знаю, ты – верный слуга. Спасибо тебе.

Обнимает его. Лаврентьич уходит.

Дьяков и Митенька.

Митенька. Эх-ма! Обидел старика. И его, и меня, и Мишеньку, и Сашу, и Варвару Александровну, – всех обидел.

Дьяков. Что ты, Митя, чем же я обидел?

Митенька. Ну, брат, коли сам не понимаешь – говорить нечего. А скажи-ка лучше, как Кавказ-то вправду едешь?

Дьяков. Еду.

Митенька. И пить и кутить больше не будешь?

Дьяков. Не буду.

Митенька. Поздравляю. Святой, значит, преподобный. Облаготельствовал всех – и на Кавказ, умирать за отечество. Герой! Амалат-Бек! [33] Ну, и поезжай. И черт с тобой.

Дьяков. Чего же ты сердишься?

Митенька. Я не сержусь. А только мы – люди грешные, – со святыми нам делать нечего. Эх-ма! Думал я, что ты человеком стал, а ты все та же баба, слюнтяй, такая дрянь, что только поплевать и бросить!

Дьяков. Да что же ты ругаешься?

Митенька. А как же не ругаться, когда смотреть тошно на рожу твою преподобную. Тьфу! весь постным маслом обмазался и рад-радешенек. Святой! А у самого в глазах бес играет. Зла-то в тебе столько сейчас, сколько зла, у-у! Вчуже страшно...

Дьяков. Что ты говоришь, Митя! Какое во мне зло? На кого?

Митенька. На всех. А пуще всех на себя. Давеча тут прощения у Миши просил, едва в ногах не валялся, а уж лучше бы ты убил его, – меньше бы зла сделал.

Дьяков. Нет, Митя, нет у меня зла ни на кого. А Мишу я, в самом деле, простил.

Митенька. Простил! Скажите, пожалуйста! Да, может, он в прощении твоём и не нуждается! Может быть, ты и подметки его не стоишь. Виноват он, кругом виноват, как подлец. Ну, и что ж из того? Мы все подлецы. Не нам с тобой его прощать. Да знаешь ли ты, кто он такой?

Дьяков. Знаю. Митя, все знаю!

Митенька. Врешь! А если знаешь, так пей! (Подает стакан). Пей за здоровье Михаила Кубанина.

Дьяков. Я же тебе сказал, что не хочу вина.

Митенька. Врешь! опять врешь! Не в вине тут дело, а за его здоровье пить не хочешь.

Дьяков. Да нет же, право...

Митенька. А если нет. – пей сейчас!

Дьяков. Послушай. Митя!..

Митенька. Нечего слушать. Пей, или черт с тобой!

Дьяков. Ну, ладно, давай!

Митенька. Только помни, брат, это не шутки. – это все равно, что клятва вечная. Поднимай же стакан, кричи...

Дьяков. Не буду я кричать.

Митенька. Ну, ладно, я за тебя. Только смотри, чтоб крепко было: как выпьем, – стакан об пол. Виват! Виват! Виват Михаил Кубанин!

Пьют и разбивают стаканы.

Занавес.

1914

Примечания

1

Усадьба Бакуниных, Премухино, Новоторжского уезда Тверской губернии, принадлежала матери А. М. Бакунина, Л. П. Бакуниной (урожд. кн. Мышецкой).

2

Пьеса «Романтики» представляет собой драму, которая произошла в семье Бакуниных. Прототипом Мишеньки послужил Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), теоретик анархизма, один из идеологов народничества.

3

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ.

4

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854) – немецкий философ.

5

Выражение, обозначающее что-то непонятное. (Библия Псал., 17, 11).

6

«Все разумное действительно, все действительно разумно». (Гегель «Философия права»).

7

Слова Раскольникова из романа Достоевского «Преступление и наказание».

8

Никита Михайлович Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и Артамон Захарович Муравьев – основатели и вожаки тайных обществ (1810–1820 г.г.) – приходились В. А. Бакуниной троюродными братьями отцу. Александр Николаевич Муравьев декабрист, основатель Союза Спасения.

9

Союз Благоденствия – Тайное общество декабристов, созданное в начале 1818 г. на базе распущенного Союза спасения. Его целью было уничтожение самодержавия, крепостничества, введение конституционного правления.

10

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org

Имеется в виду одно из положений учения немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814).

11

учитель математики m-eur кубанин

12

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760–1825), граф, французский социалист-утопист, выделявший в развитии общества три формации: 1) теологическую, 2) метафизическую, 3) позитивную.

13

Евангелие от Матфея (XV, 4).

14

Евангелие от Матфея (XIX, 5).

15

Евангелие от Матфея (X, 36).

16

Положения учения Гегеля.

17

Новалис – псевдоним Фридриха фон Харденберга (1772–1801), немецкого поэта и философа.

18

Бессмертие. (нем.).

19

Речь идет о немецком писателе Жан-Поле (наст. имя Иоганн Пауль Фридрих) Рихтере (1763–1825).

20

Жорж-Занд (Санд) (наст. имя Аврора дюпен) (1804–1876), французская писательница.

21

Легендарная царица Вавилона, разрешившая кровосмесительные браки.

22

В греческой мифологии – женщины-воительницы, вступавшие в браки с чужеземцами только для продолжения рода.

Мережковский Д. Романтики (пьеса в 4-х действиях) filosoff.org
23

Цитата из поэмы А. М. Бакунина «Осуга», написанная в конце двадцатых – начале тридцатых годов. Осуга – река, впадающая в Тверцу, приток Волги.

24

Евангелие от Луки (IX, 62)

25

Герои трагедии В. Шекспира «Король Лир».

26

Баллада В. А. Жуковского (1814).

27

Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – журналист.

28

Откровение Иоанна Богослова (XII, 1).

29

гангрена

30

Боткин Василий Петрович (1811–1869), писатель, художественный критик.

31

Отец Боткина был известным и богатым московским купцом-чаеоторговцем.

32

Библейская притча о богатыре Самсоне, растерзавшем голыми руками льва. Когда Самсон через несколько дней вернулся к месту битвы, то увидел во рту своей жертвы пчелиный рой и мед (Суд., XIV, 6–9).

33

герой одноименной повести А. А. Бестужева-Марлинского (1832)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petime.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petime.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!